

ДОЧЬ ВОЛКА

Андрей ДЫШЕВ
**МОЯ ЛЮБИМАЯ
ДУРА**

Дочь волка и Кирилл Вацура

Андрей Дышев

Моя любимая дура

«Андрей Дышев»

2004

Дышев А. М.

Моя любимая дура / А. М. Дышев — «Андрей Дышев»,
2004 — (Дочь волка и Кирилл Вацура)

Кирилл Вацура поругался со своей подругой Ириной. Первый раз так серьезно. И он долго не искал бы встречи с ней, если бы вдруг... Ирину не похитили. Банда горнолыжников-экстремалов увезла ее куда-то в заснеженные горы. И он помчался за ними на ледяные склоны, на карнизы лавин, где стылый снег, мерзлое синее небо и смертельная опасность на каждом шагу. И вот он уже почти ее нашел, он рядом с ней, но... что это? Почему Кирилл не узнает свою любимую? Почему он так жестоко ошибся?

Содержание

Глава первая. Незаменимый плейбой	6
Глава вторая. Высшая степень свободы	11
Глава третья. Девушка с лицом пуделя	16
Глава четвертая. Катафалк на буксире	23
Глава пятая. Молчите, бараны!	28
Глава шестая. Что, вляпался?	33
Глава седьмая. Стерильно чисто	38
Глава восьмая. Не горюй!	42
Глава девятая. Человек	46
Глава десятая. Нравственный астенизм	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Дышев

Моя любимая дура

Андрей Дышев

* * *

Глава первая. Незаменимый плейбой

– Хватит врать, нет у тебя никакой жены, – сказала она, внимательно рассматривая книжные полки, безделушки и бутылки в стеклянном шкафу.

Я стоял посреди комнаты в халате, не успев как следует вытереться. Под ногами на ламинированном паркете растекалась лужица. Лучи заходящего солнца, нанизавшие на себя окно, отражались в ней. Она меня раскусила. Обычно бывает наоборот. Мужики, желая пофлиртовать, снимают обручальные кольца и божатся, что холостые. Глупость несусветная! Зачем давать женщине пустую надежду? Я, чтобы не брать грех на душу, всегда вру, что женат, что у меня куча детей, и брак мой незыблем, как пирамида Хеопса.

– Зачем обманывал? – она повернулась ко мне, подбоченилась и чуть склонила голову набок. Пучок желтых волос прикрыл оголенное, с веснушками, плечо.

– Слушай, что ты от меня хочешь? – спросил я, плюхнулся на диван и положил ноги – крепкие волосатые ноги – на журнальный столик, на котором стояла бутылка коньяка, два бокала и тарелка с виноградом.

– Замуж, – ответила она и поджала и без того узкие губы. – А ты думал, что мне переспать не с кем? Что ты вот такой единственный и незаменимый плейбой?

Я с пониманием кивнул и потянулся за бутылкой.

– Тогда ты не по адресу.

И где были мои глаза, когда я от скуки решил немного поболтать с ней? Ведь страшенькая, никакого эстетического удовольствия смотреть на нее! Мы летели из Владикавказа, и наши кресла были рядом. Когда приземлились и получили в багажном отделении сумки, я пригласил ее к себе поужинать. «Сегодня не могу, завтра», – с многообещающим кокетством ответила она. «Нет, завтра не получится», – ответил я. – Завтра жена из отпуска возвращается».

Мы приехали ко мне, но интерес к попутчице почему-то стал стремительно угасать. Она была напряжена, скована, а ее быстрые мышинные глазки с завидной скоростью осматривали аскетическое убранство моей холостяцкой берлоги. Я попросил ее постелить на диване и пошел в душ. И вот чем она занималась, пока я блаженствовал под холодными струями воды – вынюхивала, женат я или нет!

– Ты наглый, хорошо откормленный кот, – охарактеризовала она меня и с гордым видом устремилась в прихожую. И надо же было именно в этот момент позвонить телефону! Я не успел встать, как моя гостья схватила с подоконника трубку и тоном хозяйки, которую отвлекли от важных домашних дел, произнесла:

– Аллёу! Вам кого?

– Дай сюда! – потребовал я и протянул руку, но конопатая стервоза, не выпуская трубку, попятилась в прихожую.

– Кирилл? – с деланным возмущением спросила она, словно хотела выяснить, что за наглец смеет водить конфиденциальные дела с ее законной собственностью. – А он в ванной. Ненадолго – мыть-то особенно нечего. Перезвоните через пару минут.

Она опустила на корточки, затолкала трубку в мой ботинок, подхватила свою дорожную сумку и вышла из квартиры. От грохота захлопнувшейся двери задрожали стекла в окнах.

Я с облегчением вздохнул, вытянулся на диване во весь рост и подложил под голову кожаную подушечку. Какое блаженство быть одному! Какое счастье таит в себе одиночество! Если бы не тягостные воспоминания о поездке на Кавказ, то я чувствовал бы себя на вершине блаженства, когда и тело, и дух расслаблены, спокойны и умиротворены.

Я человек впечатлительный, несмотря на то, что жизнь меня изрядно потрепала, и я не раз испытывал леденящее дыхание смерти. И во всем виновато мое излишне богатое воображение. В любой драме мне всегда видятся нечеловеческие муки и страдания. Потому, навер-

ное, я возвращался с Кавказа совершенно разбитым, выжатым, опустошенным и бездумно приклеился к первой попавшейся дамочке. В другом случае на подобную глупость меня бы не потянуло. Целый месяц с группой добровольцев я вел поисковые работы на леднике Джанлак, который неожиданно-негаданно сорвался со своего вечного пристанища. Никто до сих пор не знал точно, сколько людей было погребено заживо, сколько автомобилей смял, покорежил и расплющил чудовищный ледяной каток, но мое богатое воображение нарисовало леденящую душу картину и старательно отобразило детали трагедии. Я словно наяву видел, как с невыносимым грохотом ледяные глыбы падают на дорогу, с легкостью корежа легковушки и автобусы, и заглушают вопли и визг людей, и летят в пропасть тяжелые машины, словно игрушки, и кто-то погибает сразу, под многотонным прессом превратившись в кровотокающую лепешку, а кто-то, заваленный многометровой толщей битого льда, продолжает жить. Погруженные в полный мрак и звенящую тишину, они истошно кричат из глубоких холодных недр и постепенно сходят с ума...

Но надо возвращаться к реальной жизни, надо входить в курс дел, погружаться в старые проблемы и снова осознать себя директором частного детективного агентства. Я вышел в прихожую и вытряхнул из ботинка телефонную трубку. Хорошо, не отправила ее в унитаз.

Я проверил последний входящий номер. Звонок, на который ответила конопатая, был от Ирины. Она звонила с работы. Как не вовремя! Интересно, что Ириша подумала? Надо немедленно ей позвонить, что-то сказать... Сделать это сию же минуту мне помешало какое-то странное чувство. Детское, неразвитое чувство, словно я в чужом доме нечаянно разбил вазу, но признаться в этом не спешил. Набрал номер Никулина, который оставался за меня, пока я долбил лед на Кавказе.

– Болею, – ответил Никулин гнусавым голосом и громко закашлялся. – Температура, сопли.

– Я пришлю тебе дагестанского коньяка, – пообещал я. – Будешь натирать им пятки.

– Шутишь? – прохрипел Никулин. – Это тебе пора уже и пятки, и еще кое-что натереть. Ирина целый месяц с ума сходила, ждала от тебя звонка. Металась по конторе как полоумная, слез не скрывала: «Где он? Почему не звонит? А вдруг его завалило?» Трудно было позвонить, чудовище?

Я неудачно сострил в ответ, что, мол, каждый день отправлял ей письма, но почта, наверное, запаздывает.

– В агентстве как? – сменил я тему, но Никулин по крутой дуге снова перешел на прежний курс:

– В агентстве как обычно. Преступники падают в обморок при виде нашей таблички. Мыши со всех сторон обгрызли мышеловку. Мухи сошли с ума, массово кидаются на окно и кончают жизнь самоубийством. Дело о вымогателе буксует... А вот нервы у Ирины ни к черту. Ты хоть бы пожалел девчонку. Никто ж не просит тебя в любви ей изъясняться, мог бы хотя бы парочку сэммэсок отправить: жив, здоров, дою коров...

– Пожалуй, я пришлю тебе не коньяк, а «Момент», – не вытерпел я. – Заклеишь себе рот и сразу перестанешь кашлять.

Мы с Никулиным привыкли к подобной манере общения, но еще ни разу я не кидал трубку, не попрощавшись. Достала меня эта Ирина! Ну в чем, в чем я виноват перед ней? Обещал позвонить? Да, обещал, но на леднике я работал, как раб, и мне было не до звонков. У меня из головы не выходили несчастные люди, чья жизнь оборвалась так страшно и трагически. А Ирина, подумаешь, волновалась за меня! Это ее проблемы. Я же не виноват, что у нее нервы ни к черту.

Я ходил вокруг телефонной трубки, как сапер вокруг мины неизвестного производства. Браться за нее или не стоит? Или все-таки рискнуть?

– Я сегодня не приеду, – сказал я Ирине, как только услышал ее тихий, бессильный, не отражающий никаких чувств голос.

– Правильно! – вдруг с неожиданной твердостью ответила Ирина. – И не надо! Отдыхай. Что тебе здесь делать?

– Понимаешь, я неважно себя чувствую.

– Я так и поняла!

Я знал, что если в нашем разговоре возникнет хотя бы короткая пауза, Ирина немедленно положит трубку.

– Работа была адская, – сказал я, надеясь пробудить в Ирине сострадание, заложенное в каждой женщине генетически. Прижав трубку к уху плечом, я потянулся к бутылке, плеснул себе в бокал. – Но откопали только пару обломков машины, да несколько стволов деревьев... Алло, ты слушаешь меня?

– Слушаю.

– Пробурили три шахты, но резко потеплело, и в двух обрушились стены. Потом приехали спецы из эмчезса и запретили продолжать поиски до следующей осени. Я чувствую себя выжатым, как лимон. Сил никаких.

– Естественно. Тебе надо обязательно сходить в поликлинику.

Раньше она бы сказала: «Хочешь, я приеду к тебе и побуду с тобой?» Сейчас же старательно показывала, как холод безразличия сковывает ее душу. Голос выдержанный, ровный, в нем сквозит насмешка. Нет, не насмешка, скорее, презрение. Но ведь я не слепой, я вижу ее насквозь, я знаю, что она очень соскучилась по мне. Конечно, нехорошо получилось с это конопатой. Бес попытал пригласить ее к себе. Невероятно глупый поступок! Это первый показатель того, что я устал, что моя психика молит о пощаде. В самом деле, почему я не позвонил Ирине с ледника? Потому что не было ни повода, ни желания, а какими бы то ни было обязанностями я с Ириной не связан. Всё до банальности просто.

Я положил трубку и выпил коньяк. Может, в самом деле, сходить к психиатру? Мой измученный испытаниями организм требует релаксации по полной программе. Надо гнать из головы поганой метлой всякие мысли о погребенных заживо людях, про их долгую и мучительную смерть. Я не могу сострадать всему человечеству, принимать близко к сердцу чужие драмы и трагедии. Меня на всех попросту не хватит. Чужая боль разъест мою душу, словно серная кислота лист бумаги. Я налил еще рюмку. Родственники пропавших без вести людей отправили нам с вертолетом несколько пластиковых канистр дагестанского коньяка. Мы и пили его, и растирали им онемевшие от холода руки и ноги, и все равно еще литров десять я увез с собой. Может, взять канистру и поехать к друзьям? Но эта поездка закончится банальной и неудержимой пьянкой. Лучше уж позвонить старым, проверенным подругам, у которых уже давно не осталось никаких иллюзий относительно меня. Например, тихой и сонливой, как стареющая кошка, Катюше. Или хитрой и изворотливой Маринке, которая уже много лет подряд с профессиональным мастерством наставляет своему мужу рога...

Так Катюше или Маринке? Или, может быть, Марго? Мы с ней не виделись с тех пор, как закончили свою миссию в Игре на выживание. Может, уже замуж выскочила? Богатая невестка, папа круче Эльбруса. Я остановился у большой карты региона, на зеленом фоне которой словно пятна кефира значились горные вершины и ледники. Вот он, ледник Джанлак, по форме похожий на каплю. Миллионы тонн голубого льда, крепкого, как гранит, чистого, как стерильный высотный воздух. Столетиями восседал он на склоне горы, словно на троне, и вдруг... На дороге, которую он пропорол, выкорчевывая деревья, мощные пласты земли, с легкостью вскрывая асфальт, до сих пор не восстановлено движение. И в обозримом будущем не восстановят.

Решено, звоню Маринке. Чем она мне нравится – ей не надо ничего объяснять. Все понимает с полуслова. И поет хорошо, если голосовые связки не сорваны, всегда берет в руки гитару,

стоит мне только попросить. Я сел в кресло у телефона, запахнул полы халата. Прочь, прочь дурные мысли! Ударная волна была столь сильна, что сдула машины и людей с дорожного полотна в одно мгновение. А там ущелье глубиной в пятьдесят метров. Несколько секунд падения, и всё... Нет, никто не мог уцелеть. Люди наверняка погибли быстро, даже не осознав, что случилось. Ирина тоже успокоится и перестанет страдать. Она, как это было не раз, быстро поймет и простит меня. И опять, как прежде, будет тихо любить меня, а я по-прежнему буду терзать ей душу.

Я взял трубку, но она вдруг пронзительно запищала в моих руках. Глянул на дисплей, где высветился номер. Опять Ирина! Не дай Бог скажет: «Хочешь, я приеду к тебе и побуду с тобой?»

– Я совсем забыла, – произнесла она тем же подчеркнуто холодным тоном – значит, можно вздохнуть с облегчением, она вовсе не собирается приехать. – Звонил какой-то мужчина, спрашивал тебя...

Мурашки по коже от такого голоса! Словно электронная подсказка в боевых самолетах: «Убери шасси!», «Аварийный остаток топлива!» Раньше Ирина говорила со мной другим голосом. Ей запросто можно было работать на киностудии и озвучивать красавиц в постельных сценах. Мне все время казалось, что Ирина нарочно разговаривает со мной неким особым, волнующим тоном, разбавляя слова томным дыханием, делая головокружительные паузы между фразами. О, именно эти паузы впечатляли меня больше всего! Это ж надо уметь так молчать!

– И что этому мужчине надо было? – спросил я, пытаюсь догадаться, зачем она мне позволила.

– Он не сказал, но очень настойчиво просил твой домашний адрес и номер мобильного телефона. Если он еще раз позвонит, дать?

– Не надо! Предложи ему свою помощь. Скажи, что ты такой же частный детектив, как и я...

– Нет, ему нужен только ты. К тому же, я больше не частный детектив.

– То есть? Как это понимать? А кто же ты?

– Я ухожу.

– Куда, Ириша?

Она ответила не без удовольствия:

– На руководящую и более высокооплачиваемую должность.

Вот это номер! Такого поворота событий я не ожидал. Видимо, Ирина крепко обиделась на меня.

– Поздравляю, – сдержанно ответил я, стараясь ни словом, ни тоном не потревожить ледяной карниз, уже давший трещину и готовый вот-вот обломиться. – А ты не поторопилась с таким решением?

– Напротив, я слишком затянула с этим решением.

Только не делай резких движений! – сказал я сам себе. Не надо говорить ей то, что уже висит на кончике языка: скатертью дорога! Пусть все идет своим чередом. Пусть почувствует, что я спокоен, что не рву на себе волосы, не мечусь в отчаянии. Спокойствие как зараза передается другим. Я посмотрел на часы. Без четверти шесть. Маринка освободится, когда заберут последнего малыша, а это не раньше восьми вечера. Она работает воспитательницей в детском саду. Считай, в сумасшедшем доме. Ей тоже нужна релаксация. В этом смысле у нас с ней одни проблемы и единые цели. Но ждать до восьми тоскливо. Коньяк закончится, и что потом? Надо звонить Катюше. Она пашет в супермаркете и сдает кассу ровно в шесть. В полседьмого она уже будет стоять под душем в моей ванной.

– Что ж, это твое право, – ответил я. – Хотя такие решения нельзя принимать сгоряча...

– Только, пожалуйста, не надо давать мне советы, – оборвала меня Ирина. – Мое дело предупредить тебя.

– О чем предупредить, Ириша?

– Второй день под окнами офиса стоит машина. Черная «девятка» с тонированными стеклами. Скорее всего, из нее следят за твоим агентством.

«Твоим агентством»... Детский сад какой-то! Отдавай мои игрушки и не писай в мой горшок.

– Может, тебе показалось? – спросил я.

– Может и показалось, но этот вопрос меня уже меньше всего волнует. Я сказала тебе всё, что посчитала нужным, и теперь ухожу с чистой совестью.

У Иришки от обиды уже крыша поехала! Я сам иногда замечаю, что мною овладевают навязчивые подозрения: то кажется, что кто-то прослушивает наши телефоны, или в кабинете пахнет синильной кислотой, или же за окнами мелькают злобные физиономии наемных убийц. А чему удивляться? Пять лет возглавлять частное детективное агентство – это не шоколадный цех кондитерской фабрики. От нескончаемых криминальных ребусов и кроссвордов запросто можно двинуться мозгами и заполучить синдром навязчивых идей...

Наш разговор закончился. Ирина предоставила мне возможность послушать короткие гудки. Я зачем-то потряс трубку, словно хотел выудить из нее еще какие-нибудь слова, и воткнул ее в гнездо. Буженина из свиного окорока, который я, следуя старинному рецепту, натер солью, перцем и базиликом, подгорела в духовом шкафу. Я выставил дымящийся противень на подоконник и распахнул окно. Поддел вилкой черную шипящую корочку и отпилил ее ножом. Хрустит на зубах, и горчит изрядно. Если запивать красным вином, то ничего, сойдет. Маринка в восторге от того, как я готовлю. Она в своем детском саду ничего другого не видела, кроме молочной каши и овощного супчика.

– Мариш, – сказал я в трубку. – Ты что предпочитаешь – «Каберне» или «Мерло»?

В ухо ворвались жизнерадостные звуки средней группы: детский визг, крики, мелодичные перепевы игрушек, беспорядочный барабанный бой, плач и смех. И на этом пестром фоне отдаленный голос Марины: «Я кому сказала – в одну шеренгу! Становись! Выровнять носочки!»

– Аллю! – громко ответила она. – Кто это? Я не слышу... – И снова детям: – Тихо всем! Раз, два! Маршируем, маршируем!

– Марина, это Кирилл...

– Не слышно! Говорите громче!.. Маршируем! Ножки выше!

Я надавил кнопку отбоя и тотчас набрал номер мобильного Катюши. Она тотчас ответила:

– Кирюша, позвони позже! Я зашиваюсь! Народа как на вокзале! И у всех полные тележки...

Снова отбой. Я сидел на подоконнике, смотрел на сгоревшую буженину и чувствовал себя бездельником. Девушки заняты, зашиваются, одна надрывает горло с детьми, другая пробивает щеки, проклиная в уме прозорливость населения. Только я тоскую под гнетом впечатлений от поездки в горы и глупым разговором с влюбленной в меня сотрудницей. Всё будет хорошо. Всё вернется в прежнее русло. Никуда Ирина не уйдет. Потому что не может жить без меня, такого единственного и незаменимого плейбоя.

Глава вторая. Высшая степень свободы

Я завернул буженину в пергаментную бумагу. Утром отнесу Бесте, сторожевой овчарке на автостоянке. Такой лакомый кусочек она проглотит не жуя. А сейчас приму душ, выпью чая с медом и лягу спать. И проснусь прежним человеком. У меня много работы. Во-первых, надо довести до ума все наши наработки по делу о вымогателе и передать их следователю. Во-вторых, надо договориться с местной газетой о рекламе. И, в – третьих...

Завершить создание плана действий на ближайшее время не удалось. Проклятый телефонный звонок! Неужели, снова Ирина? Какую бяку она еще хочет подложить мне? Я выплюнул не дожеванный кусок мяса в окно и, вытирая на ходу руки полотенцем, вернулся в комнату. Прежде чем ответить, по привычке глянул на дисплей. На этот раз номер был мне незнаком.

– Кирилл Андреевич? – спросил меня мужской голос. – Я старший оперативной группы вневедомственной охраны. Вы не могли бы подъехать сейчас к вашему офису?

Никогда прежде мне не звонили из вневедомственной охраны. Я даже предположить не мог, зачем понадобился старшему оперативной группы. Может быть, Ирина что-нибудь в сердцах начудила? К примеру, разбила тонированное стекло в черном «жигуле»...

– А что случилось?

Могло показаться, что этот вопрос оказался для моего собеседника сложным. Он начал мычать, покашливать, затем нехотя сказал:

– Видите ли, на пульте сработала сигнализация, мы приехали на объект очень быстро, но никого не застали. Скорее всего, несанкционированного проникновения в помещение не было. Может, вы забыли запереть окно на замки, и его открыло сквозняком?

Ирина! – мстительно подумал я. Она ушла с чистой совестью, а вот закрыть окна забыла. Или нарочно не закрыла их.

Пришлось срочно ехать в офис. У входа в агентство стояла милицейская машина, рядом с ней скучали два парня в форме и с автоматами наперевес. По их виду можно было судить о том, как много приходилось им выезжать по ложным вызовам, и как это занятие им надоело. У меня проверили документы.

– Входная дверь и все замки целы, – начал вводить меня в оперативную обстановку рыжеволосый сержант. Он шел рядом со мной, и ствол его короткого автомата все время упирался мне под ребро. – А вот окно – полюбуйтесь – приоткрыто. Я постою здесь, а вы с моим коллегой зайдите внутрь через дверь.

Мы зашли в подъезд и приблизились к металлической двери агентства. Я открыл замок. Милиционер вежливо отстранил меня и зашел в офис первым. Для воришек наше агентство не представляло никакой ценности, поживиться у нас им было нечем, и потому я был спокоен, как слон.

– Ничего не пропало? – спросил милиционер, когда мы обошли один за другим все кабинеты и заглянули в уборную.

В агентстве царил привычный порядок. Из кабинета Ирины еще не успел выветриться запах духов. Я для проформы заглянул в ящик своего стола, а затем в холодильник. Вынул ополовиненную бутылку водки и разлил ее по пластиковым стаканчикам. Водка простояла в холодильнике целый месяц, но, похоже, не выдохлась. К нам присоединился второй милиционер. Мы выпили под тост: «За бдительность вневедомственной охраны!» Рыжий стал закрывать окно, изо всех сил надавливая на раму. Окно скрипело и пищало. Каждое лето, когда переставали топить, оконные рамы разбухали от сырости. Закрывать и, тем более, открыть окно становилось непросто, и потому версию со сквозняком я сразу отгнал. Пожалуй, это были проделки Ирины. Жажда мести, она решила испортить мне романтический вечер. Поставила офис

на сигнализацию, вышла на улицу и толкнула раму. В милиции сработала сигнализация, и в итоге меня вытащили из дома.

– Водка так себе, – сказал рыжий.

Я понял намек и полез за кошельком. Милиционеры закусили конфеткой, которую нашли на столе Ирины, пожелали мне впредь быть повнимательнее, и удалились.

За окнами стемнело. Багряный отблеск заката налип на стену. Я сидел за столом Ирины. Она забрала все свои вещи, которые прежде были здесь всегда – маленькое зеркальце, малахитового кота, шариковую ручку, похожую на гусиное перо. Как тяжело на душе! Будто Ирина умерла. Мне ее было жалко, ее осиротевший стол источал добрую, теплую память.

Я придвинул к себе телефон и набрал номер ее мобильного. Я помнил его наизусть.

– Послушай, не звони мне больше, – ответила Ирина. Я слышал приглушенную музыку и гул автомобильного мотора.

– Ты забыла закрыть окно, – сказал я с легким укором. Я пытался вести себя так, будто ничего не случилось: я начальник, она моя подчиненная, лучшая подчиненная, самая лучшая, на которую я никогда не повышал голос, а за мелкие огрехи лишь ласково журил.

– Я все закрыла! И мне по барабану твои проблемы!

Она отключила связь. В одной руке я продолжал держать трубку, другой стал массировать грудь. Я не ожидал, что наш разговор будет таким коротким. Я хотел ей предложить встретиться и спокойно обсудить все наши проблемы. Не успел. Ну и пусть проваливает. Мне надо-ели ее капризы. Звонить ей больше не буду. На лбу себе напишу: Ирине не звонить!

Я встал из-за стола, взялся за него и развернул. Новый сотрудник будет сидеть лицом к двери, а не спиной, как это делала Ирина. И это будет мужчина. Никаких женщин в моем агентстве!

За перегородкой зазвонил телефон. Кому это нечего делать, кроме как названивать поздним вечером в частную детективную контору?

– Слушаю!

Я пытался обмануть себя, сделать вид, что не замечаю хлынувшей на меня надежды – а вдруг это Ирина? Вдруг опомнилась, успокоилась, и сейчас скажет: «Ладно, Кирилл! Давай мириться!»

В трубке – тихий шорох, сдержанное дыхание.

– Если вы хотите, чтобы я вас услышал, говорите громче, – попросил я.

Короткие гудки. Нет, это не Ирина. Она не позвонит. А если позвонит, то молчать не станет. Это не в ее духе. Ее поступки всегда цельны, имеют начало и исчерпывающее завершение. Если она идет со мной в ресторан, то гуляет там до закрытия, и мне иногда приходится выносить ее на руках. Если увязывается за мной в горы, то умирает, но добирается до вершины. Если уходит, то уже не возвращается. А уж ежели кого-то возненавидит, то этому человеку лучше сразу удавиться...

Никогда еще моя контора не вызывала во мне такое гнетущее чувство. Призрак Ирины витал между стен. Ее стол, шкаф для одежды, листочки перекидного календаря, исписанные ее рукой, и легкий, едва уловимый запах ее духов оставались последним связующим звеном с той, живой, настоящей, но уже недоступной. Мне трудно было представить, что завтра я приду в агентство, и не увижу ее на своем рабочем месте, и Никулин уже не скажет мне с язвительной усмешкой: «Зайти к Ирине, чудовище, она приготовила тебе кофе».

Я вздрогнул от телефонного звонка. Гнусное изобретение – телефон. Кто-то навязывает мне свою волю, врывается в мой мир, нагло заявляет о себе, требует к себе внимания. А я не хочу ни с кем говорить, не хочу даже знать о том, что кому-то нужен. Я смотрел на желтый аппарат, подрагивающий от звонков. Казалось, там сидит маленький злобный человечек, который требует, чтобы его выпустили. Сколько раз за сегодняшний вечер в мою жизнь вмешивался телефонный звонок. И к чему это, в конце концов, привело! Я чувствую себя почти

несчастливым. Люди должны разговаривать, глядя друг другу в глаза, чувствуя дыхание друг друга, видя мимику, жесты – все это несет несравнимо больше информации, чем просто слова. Разве Ирина, стоя передо мной, позволила бы сказать: «Мне по барабану твои проблемы!»

Я поднял трубку. Тишина.

– Что вам от меня надо? – спросил я.

И опять короткие гудки. Я взялся за провод и выдернул вилку из розетки. Так-то лучше. А теперь домой! Чай с медом – и спать! И надо будет в ближайшие дни сделать в офисе ремонт. Причем начать с кабинета Ирины. Сорвать старые обои, выкинуть столы, стулья, цветы с горшками, дурацкие календари с котятками. Всё на мусорную свалку! Ирина гордая, и я тоже гордый. Рубить, так рубить... На пульт охраны позвонил уже с улицы. Какой теплый и душный вечер! Быть грозе. Да вот и всполохи на темном небе видны. Пока беззвучные, немые, словно отблески сварочного аппарата. Но пройдет час или два, и над Побережьем начнет буйствовать стихия. Потоки воды низвергнутся на город, потекут по теплomu асфальту ручьи, и кинется народ в кафе, под карнизы домов, накрывая головы то сумочками, то полиэтиленовыми пакетами, то газетами, и заблестят серебром в лучах фонарей мокрые листья деревьев, и раскаты грома заглушат музыку, доносящуюся с набережной.

Не дошел я еще до своей машины, как вспомнил про злосчастное окно. Так закрыл я его или нет? Сначала один милиционер баловался с ним, давил на раму, дергал за ручки, потом другой. Может быть, я благополучно забыл о нем и оставил приоткрытым? Пришлось развернуться и обойти дом, глядя на окна первого этажа, занятого моим агентством. Двор у нас тихий, темный. Оставь канализационный люк открытым – ни за что не заметишь. Нормальные люди стараются в сумерках обходить это место стороной. Даже вездесущие бомжи не обжили плотные кусты. И уж, конечно, никакой водитель не оставит здесь на ночь свою тачку, а если сделает это, то имеет много шансов утром найти ее «раздетой». Потому-то я с удивлением заметил в плотном мраке прижавшуюся к кустам «девятку». Она была черной, как смола, плюс к этому тонированные стекла. Словом, черная кошка в темной комнате. Мне показалось, что боковое стекло, которое рядом с водителем, слегка опущено, и где-то в непроглядной утробе машины, словно Марс на ночном небе, мерцает кровавый огонек сигареты.

Впрочем, я сразу забыл об этой машине. Проверив окна и убедившись, что они закрыты, я вернулся к своему «опелю». Сел за руль, запустил мотор, но некоторое время не трогался с места. Мне нравится сидеть в темном салоне машины и смотреть на светящиеся призрачным зеленоватым светом приборы. Уютно и покойно. Наверное, это напоминало далекое детство. В моей спальне стоял громоздкий старомодный приемник с широкой, обитой материей панелью. И на ней зеленым светом горел индикатор настройки. Если волна уходила, на индикаторе, словно павлиний хвост, распускался зеленый луч. Мама включала приемник по вечерам и находила тихую музыку. И я, прежде чем заснуть, подолгу смотрел на светящийся в темноте зеленый глаз, как он меняется, переливается, словно подмигивает мне.

Я медленно тронулся с места. Мне так сильно не хотелось домой, что даже силой воли я не мог заставить себя давить на педаль акселератора сильнее. Придумал повод поехать на другой конец города, на хлебопекарный завод, где можно было купить горячий лаваш. Я катился по набережной Дерекойки в правом ряду со скоростью похоронной процессии. Меня обгоняли даже старые полуживые «запорожцы». На ветровом стекле появились отметины первых дождевых капель. Я включил магнитола и поставил кассету Вивальди. Ирине очень нравились его концерты, особенно «Времена года». Когда звучали минорные тона осени, на ее глаза накатывали слезы. Тонкая, ранимая натура.

На площади автовокзала я развернулся и покатился в сторону набережной. У закрытых ворот центрального рынка, словно тени, бродили не то уборщики, не то бомжи. Они собирали картонные коробки, сплющивали их и складывали в стопку. Неопрятный сутулый мужчина кинул картонку под куст, опустил на нее на колени, затем повалился на бок, скрутился кала-

чиком, как озябшая собака, и стал неподвижен. Две девушки голосовали проходящим мимо машинам, выйдя едва ли не на середину дороги. Легковушки притормаживали, аккуратно объезжали их. Девушки прыгали от нетерпения, курили, отхлебывали из жестяных баночек.

– Эй, мужчина! – громко крикнула одна из них и пригнулась, чтобы лучше рассмотреть меня через ветровое стекло. – Жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в маленьких радостях...

Я часто подвозил Ирину домой после работы. Ослепленные фарами проститутки не сразу замечали рядом со мной девушку, и кидались к машине, предлагая мне свои услуги. Ирина реагировала на это со святостью и чистотой возвращенного в монастыре ребенка. Она дико смущалась, и выступивший на ее щеках румянец был замечен даже в сумерках. В ее молчании угадывалось необъяснимое чувство вины передо мной, будто она хотела сказать: наверное, я помешала тебе? наверное, ты хотел бы пригласить их в машину?

Я чуть не отдал колесом смело выставленную ножку и, проехав жриц любви, невольно посмотрел на зеркало заднего вида. Девушки кинулись на идущую следом машину, и только сейчас я увидел, что это была та же черная «девятка» с тонированными стеклами, во всяком случае, как две капли воды похожая на ту машину, что стояла в нашем дворе. В ответ на предложение девушек из окна «девятки» вылетел окурок и, прочертив малиновую дугу, разбился в искры об асфальт.

Может, это та самая машина, о которой говорила Ирина? Я не слишком вник в ее слова, когда она упомянула о какой-то «девятке»; я больше прислушивался к интонации, а само предупреждение о слежке воспринял лишь как желание Ирины испортить мне настроение. Меня покорили слова «твое агентство», и ни о чем другом я уже думать не мог.

Я прижал машину к обочине и остановился. «Девятка» проехала мимо, свернула в какой-то проулок и исчезла за углом дома. Нет, никто за мной не следит. Никому я не нужен. Что я собой представляю, чтобы за мной следить? Я не политик, не банкир, у меня нет с собой чемоданчика, набитого баксами. Я руководитель частного детективного агентства, которое, по своей сути, является нелегальным филиалом следственного отдела местной милиции. В год у нас бывает не больше тридцати заказов, что приносит нам весьма скромную прибыль, но зато большие неприятности, где конфликты с милицией и криминальным миром – самые маленькие.

За строем пальм светилась витрина продуктового магазина. Надо что-то взять к ужину. Когда на душе тяжело, надо отягощать желудок. Для равновесия, чтобы к утру не перекосячило. Устрою-ка я себе развратный ужин. Возьму баночку маслин, маринованные грибы, нарезку сырокопченой колбасы, грамм сто осетрины, икорки, корейской морковки и водочки. И отпраздную свое одиночество. Одиночество – это высшая степень свободы. Бледная продавщица, одуревшая от духоты, посмотрела на меня с плохо скрытой ненавистью.

– Мужчина, – растягивая гласные, звонко сказала она. – Мы водку в морозильнике не держим. Вся вино-водочная продукция на прилавке.

Бог с ней, пусть будет теплая. Пока накрою стол, бутылка успеет покрыться инеем в морозильнике. Только сейчас я почувствовал, что голоден. Завтракал я в аэропорту Беслана перед посадкой в самолет – чашечка кофе и тонкий хлебец с сыром. И больше ничего за весь день. Увесистый пакет пришлось нести двумя руками. Я уже приготовился толкнуть ногой стеклянную дверь, чтобы выйти из магазина, как высокая и тоненькая девушка в кроваво-красной юбке услужливо распахнула ее передо мной. Оказывается, есть еще хорошие люди на свете! Я поблагодарил девушку за порыв альтруизма и вышел из магазина. Девушка, словно голодная кошка, которая угадала в пакете сосиски, снова оказалась рядом со мной. С мольбой заглядывая мне в глаза, она пролепетала:

– Простите, пожалуйста! Мне надо срочно позвонить подруге и сказать, что я не смогу к ней приехать. Вы не могли бы дать мне на секундочку свой мобильник? Я скажу всего лишь два слова.

Глава третья. Девушка с лицом пуделя

Я остановился. Хорошее у нее личико, безвинное, смуглое, мелкое. Носик и верхняя губа чуть вытянуты вперед, отчего девушка чуть-чуть напоминала пуделя. Черные волосики растрепались, влажные от купания пряди налипли на лобик. Ну как можно отказать такому милому созданию?

Я сначала хотел передать девушке пакет, чтобы освободить руки, но решил, что она его не удержит и выронит, а бутылка водки обязательно разобьется об асфальт. Прижав покрепче набор деликатесов к груди, я встал так, чтобы ей было удобнее.

– Вытаскивайте его из чехла... Хватайте за антенну и тащите! Да что вы на меня смотрите, будто я что-то не то сказал...

Она потянулась к моему ремню неловко, ужасно стыдясь, словно ей предстояло расстегнуть пряжку и совершить какие-то манипуляции с моими джинсами, раскрыла чехол и вынула трубку. Мы стояли перед входом и мешали людям. Почему-то в этот поздний час не только у меня проснулся зверский аппетит. Я стал смотреть на звезды, чтобы не смущать молодую особу. Поглядывая на обрывок бумажки, она набрала номер. Прижала трубку к уху, ненадолго замерла, потом покачала головой.

– Не подходит. Наверное, уже ушла...

Она отключила трубку. Упрощая девушке задачу, я подставил пакет.

– Кидайте его сюда!

Мобильник цокнул о бутылку. Девушка немедленно повернулась и быстро зашагала по улице вдоль строя пальм, весело размахивая белой сумочкой. Я вернулся к машине, опустил пакет на переднее сидение, достал оттуда трубку и мельком осмотрел ее. Девушка вела так, словно совершала какой-то нехороший поступок. Ей было стыдно, что пришлось просить незнакомого мужчину о таком пустяке? Только я взялся за ключ зажигания, как мобильник завибрировал и запищал. Я глянул на дисплей. Номер звонившего не определился. Я даже застонал, словно от боли. Как мне надоел этот овечий колокольчик! Надо отключить его. А еще лучше сломать. Шваркнуть разок о пол, и сразу отпадут многие проблемы.

– Ну? – произнес я в трубку таким тоном, что сразу дать понять: я оказал величайшую милость позвонившему мне человеку уже только тем, что соизволил ответить на звонок.

– Отныне ты должен делать то, что я буду тебе приказывать, – услышал я низкий мужской голос, причем, мне показался он неестественным, умышленно искаженным.

– Кто ты? – перебил я мужчину. Терпеть не могу разговаривать с бесплотными тенями, которые не называют себя.

– Тебя это не касается. Слушай меня и не перебивай!

– По-моему, у тебя непомерно раздутые запросы, – усмехнулся я. Конечно, получилось не очень вежливо, но как еще ответить на столь бесцеремонное заявление?

– Не в твоих интересах спорить со мной. Придержи свой язык, пока я не начну задавать вопросов.

Кажется, незнакомец начал мне угрожать. Нередко мои клиенты, став жертвой преступления, теряли от страха головы, кричали в трубку, плакали, рта не давали мне раскрыть, путано излагая события. Но этот тип вовсе не казался испуганным. Напротив, он был вызывающе наглым. Может, он был пьян?

– У меня закончился рабочий день, – сказал я. – Позвони мне завтра в частное детективное агентство, телефон которого найдешь в любом информационном справочнике.

Я едва не отключил трубку. Незнакомец вдруг воскликнул неожиданно высоким, почти писклявым голосом:

– Подожди, торопыга! Ты даже не представляешь, чем рискуешь, разговаривая со мной таким тоном! У тебя нет выбора! Или ты безоговорочно принимаешь все мои условия, или же...

– Ну? Что? – насмешливо спросил я.

– ...или же готовься в ближайшие дни похоронить свою любимую Ирину.

Вот как! Он знает Ирину, и грозит расправой с ней. Как бы выяснить, кто этот человек? Глупец или идиот? Я был уверен, что разговариваю либо с глупцом, либо с идиотом. Убийца с серьезными намерениями редко когда обмолвится о своих намерениях в первую же минуту разговора. Это козырная карта, которой настоящий хищник не станет бравировать.

– Во-первых, Ирина для меня не самая любимая, – сказал я.

– Это не имеет значения! – заметно нервничая, произнес незнакомец. – Я отправляю ее на тот свет, и рука моя не дрогнет.

– А ты уверен, что я смогу выполнить твои приказы? – Я постарался передать ему свой спокойный тон, чтобы понапрасну не нервировать.

– Да! Только ты сможешь это сделать! И не вздумай отбрыкиваться, скотина!

– Давай сразу договоримся: больше ни одного оскорбления, иначе я пошлю тебя на хер! Давай сейчас встретимся и спокойно обо всем поговорим. Я могу подъехать к тебе...

– Нет!! Никаких встреч не будет!

– Как же я узнаю, что ты от меня хочешь?

– Я буду звонить и приказывать!

Наглость людей иногда способна в одно мгновение вывести меня из себя. В такие минуты я не слежу за своей речью, не скуплюсь на крепкие выражения. Но мои утомленные нервы еще стонали под тяжестью пережитого на леднике Джанлак и размолвки с Ириной, и потому эмоции были придавлены, невыразительны. А чего нервничать, волноваться и считать частоту сердечных сокращений? Наверняка это не совсем нормальный человек, у которого под воздействием телепередач началось обострение, и потому не стоит излишне серьезно относиться к его угрозе. Пожертвовать роскошным ужином и попытаться разыскать его прямо сейчас, чтобы эту глупую проблему не переносить на завтрашний день?

Я вырубил телефон. Теперь на счету была каждая секунда. Я осмотрелся по сторонам. Очень часто злодеи, ведущие переговоры по телефону со своими потенциальными жертвами, находятся рядом. Они любят наблюдать, как их жертва суетится, волнуется, спотыкается... Горячие следы еще не остыли. Если найти хотя бы один, хотя бы малейшую зацепку, да вцепиться в нее мертвой хваткой... А впрочем, зацепка уже есть...

Я запустил мотор, объехал стоящий впереди меня «жигуль» и до пола придавил педаль акселератора. Сколько я говорил по телефону с незнакомцем? Минуты три? Мелькнул продуктовый магазин. Свет фар начал перебирать стоящие в длинном ряду стволы пальм. Я сбросил скорость и покатился посреди улицы, глядя по сторонам. Людей много, целые потоки людей, как если бы где-то рядом был стадион, и там только что закончился футбольный матч. Группа парней в светлых майках. Рыщут хищными взглядами по сторонам, ищут девчонок... А вот явно подвыпившая парочка, идут в обнимку, где-то между ними затерся малыш с надутым кругом, который он держит, словно не по размеру широкие штаны... Вот шаркают крутыми фирменными кроссовками две до белизны седые старушки, обе в шортах, кудрявые, с тщательно постриженными затылками, у каждой на шее болтается фотоаппарат... А вот и моя милая обманщица в кроваво-красной юбке и белой майке, похожей на бюстгальтер. Идет неторопливо, размахивая сумочкой, как батюшка кадилом. Явно старается произвести впечатление на мужчин. Голодные парни свистнули ей с противоположной стороны улицы, но она не отреагировала, ей нужны личности с наличием, а не мелкая шушера, у которой одна бутылка пива на троих. Я обогнал ее, прижался к бордюру и остановился. Коротко посигналил. Девушка, не замедлив шага, искоса посмотрела на мою машину. Нет, она еще не уверена, что я сигнала-

лил именно ей, она невозмутима и старательно подчеркивает свою независимость. Я еще раз шлепнул ладонью по кнопке сигнала. Вот теперь она остановилась и, оценивая, стала рассматривать машину. Есть девицы, которые в машинах разбираются лучше, чем некоторые работники автосервисов. В смысле, в стоимости и престижности авто.

Подошла, глядявается в боковое окно. Меня она пока не видит, мое лицо в темноте, я нарочно откинулся на спинку, чтобы свет фонаря не освещал его. Гостеприимно приоткрыл дверь. Девушка оперлась не нее локтем, чуть склонила голову и заглянула в салон.

– Ну? Ты что-то хотел спросить?

Вот, наконец, она меня узнала. Игривая маска мгновенно слетела. Губы надломились в презрительной усмешке. Под глазами проступили тени хронической усталости – наверное, девушка забыла, когда вволю высыпалась. Она попыталась отойти на шаг, но я крепко схватил ее за запястье.

– Руку поломаешь, бизон! – звонко крикнула она. – Мне что, милицию позвать?

– Сядь, поговорим, – спокойно сказал я.

– Я не в разговорном жанре работаю. Отпусти, пока по глобусу не врезала!

Где же та прежняя наивность и чистота в глазах? Где робкий, заискивающий голосок? Она была уверена, что я испугаюсь ее искрометной агрессии, испугаюсь внимания, которое мы начали привлекать, и уже наострили уши молодые жеребцы в белых майках, уже напрягли свои юношеские бицепсы, уже сжали кулачки, готовые всей стаей сорваться на помощь несчастной девушке. Я резко потянул ее за руку. Если бы она вовремя не уперлась коленом в сидение, то наверняка упала бы у порожка, и мне пришлось бы втащить ее в салон волоком. Я сбросил сцепление и поддал газку. Дверь захлопнулась, как форточка от сквозняка. Девчонка стояла передо мной на четвереньках, как собака, привыкшая к машине. От резкого старта ее откинуло на спинку, сумочка просвистела у моего уха и шлепнула меня по затылку.

– Ты что делаешь?.. Останови... Останови быстро...

Вот теперь она уже боится меня. Испугалась, что события разворачиваются стремительно и без каких-либо слов. Уперлась двумя руками в панель, попыталась одну ногу опустить на коврик, чтобы потом сесть на сидение, да поправить юбку, которая уже никаких функций не выполняла, а лишь мешала, как детский надувной круг, но я, не снижая скорости, резко свернул на Войкова. Девушка спикировала на меня, вымазала мне колено губной помадой. Одной рукой вцепилась мне в волосы, второй схватила за руль – машинально, лишь бы за что-то схватиться. Красная юбка теперь семафорила где-то на уровне моей головы, тонкий каблук уткнулся в потолок кабины. Презабавное зрелище! Я для верности сделал еще один вираж и остановился под сенью влажных деревьев Городского сада.

– А здорово мы с тобой прокатились, да? – поделился я впечатлениями, бережно убирая со своего плеча загорелую ножку.

– Урод! – пискнула моя пассажирка, выкарабкавшись из-под панели, и попыталась влить мне пощечину, но я пригнулся, и она попала в подголовник.

Двери были заблокированы, она не могла выскочить из машины, знала об этом, но, как мне показалось, вовсе не стремилась на волю. Я сломал ее имидж – куколки Барби с высоко поднятой головой, безупречной осанкой и надменным взглядом, заставив ползать где-то между педалями управления, и за это унижение ей хотелось мести. Я снова взялся за рычаг скоростей, и девушка, не желая снова раскорячиваться передо мной, замолчала, поспешно устроилась на сидении и накрепко схватила за ручку над окном. Теперь она больше походила на летчика-истребителя перед катапультированием. Мне было весело. Девушка мне нравилась, особенно в своем искреннем испуге и гнев.

– Чего сияешь? – проворчала она. – Я чуть лоб себе не расшибла.

– Кому звонила? – спросил я и, протянув руку, осторожно потрепал девушку по щеке, словно погладил загнанную в угол, готовую царапаться и кусаться кошку.

– А почему я должна перед тобой отчитываться?

– Вот же какая глупая! – вздохнул я и тряхнул головой, как бы желая стряхнуть с себя мысли о тяжких последствиях звонка. – Ты в самом деле ничего не знаешь, или только прикидываешься?

– Это ты прикидываешься! – фыркнула девушка и, пытаясь вернуть себе утраченное самообладание, открыла сумочку и достала оттуда зеркальце. – Заплатить тебе за пользование телефоном? Стольника хватит?

Она помахала перед моим лицом купюрой. Я выхватил ее, смял в кулаке и кинул ей в лицо.

– Дура! Думаешь, я с тобой в игрушки играю? Весь уголовный розыск города поднят на уши, и отрабатывается каждый звонок на этот проклятый номер! Не надо таращить на меня глазёнки и делать вид, что ты звонила подруге! Думала, что я, как лопух, тебе поверю! Не ожидала ведь, что на мента нарвешься, да?!

Наверное, я складно врал, и недоумение на лице девушки быстро сменилось тревогой. Она поправила упавшую на глаза челку и, часто моргая, залепетала:

– Чего вы на меня кричите? Это разве такой большой грех – попросить позвонить?

Я схватил ее за плечо.

– Грех не в том, чтобы позвонить, – зашептал я, едва не касаясь губами ее глаз. – А в том, куда позвонить. Что ты овечкой притворяешься? Разве не знаешь, что на этом номере висит подпольная секта сатанистов, на счету которых уже тридцать четыре ритуальных трупа! Зачем ты им звонила? Хотела предупредить об опасности? Или дать координаты очередной жертвы?

– Вы что?! – ахнула девушка и скороговоркой: – Да я понятия не имела, что это за номер! Я совершенно случайно его набрала! Да если бы я знала, кому звоню, сразу бы от страха умерла! У меня и в мыслях не было...

– Не врать! – рявкнул я. – Или колись, или сейчас же едем в отделение, и о своих связях с сатанистами будешь рассказывать под протокол!

Еще раз убеждаюсь, какие у нас люди легковверные, и какой магической силой обладают слова «отделение» и «протокол». Она даже не подумала о том, что для начала надо спросить у меня удостоверение сотрудника милиции. В глазах – отчаяние и слезы.

– Пожалуйста, не надо в отделение, – сказала она, прижимая руки к груди. – Нет у меня с ними никакой связи! У меня и в мыслях ничего дурного не было. Подозвал меня какой-то мужик...

– Какой мужик? – прервал я. – Подробно о нем!

– В темных очках. Худошавый такой, лет тридцати пяти. Лицо узкое, будто он всю жизнь голову между прутьями ограды просовывал.

– А рост?

– Рост я не могла определить, он из машины меня позвал. Машина посигналила, я подошла...

– Модель?

– «Жигули», – глотая растерянность и страх, отвечала девушка. – Кажется, девятая модель.

– Цвет?

– Темный. То ли темно-синий, то ли черный...

– Дальше!

– Я подошла, а он сразу протянул мне деньги из окна.

– Сколько?

– Ну-у... Я не разглядела, в сумочку кинула...

– Сколько?!

– Сто баксов.

– И ты уже была готова сесть в машину, – подсказывал я.

Она заламывала пальцы.

– Он дал мне бумажку с номером телефона и показал на вас. Через витрину всё было хорошо видно. Вы стояли у прилавка и что-то покупали... Он говорит: попроси у этого человека мобильник и набери номер, который я тебе дал.

– И всё?

– Да, всё. Я сама удивилась. Машина сразу отъехала, а я пошла в магазин.

– Куда машина поехала?

– Я не обратила внимания, потому что всё время смотрела на вас, чтобы не потерять из виду. Но вы такой рослый, заметный, красивый, что я вас даже в самой большой толпе нашла бы.

Девушка немного успокоилась и начала осторожно вставлять комплименты, намереваясь вызвать во мне чувство симпатии к ней, а значит, жалость и сострадание. Я порылся в пакете со снедью, вынул запаянные в вакуумную упаковку кружочки копченой колбасы и протянул ей.

– Зачем? – растерянно произнесла она и через силу улыбнулась: фиг его знает, как воспринять этот ментовский юмор? Может, я собираюсь отправить ее в следственный изолятор, где ужин уже закончился.

– Она с чесноком, – пояснил я, снимая блокировку дверей. – Сатанисты и прочая нечисть этот запах на дух не переносят.

Девушка вышла из машины на ватных ногах, пытаясь затолкать упаковку с колбасой в сумочку. Я смотрел на нее с той жалостью, с какой мы смотрим на беспомощных и жалких животных, приютить которых не позволяет разве что брезгливость. До обидного не хватало мне святости и авантюрной добродетели, ибо стоило, если всё делать по совести, стоило привезти эту девчонку к себе, успокоить, накормить и дать ей вволю выспаться. Но моя совесть тиха, скромна, локтями работать не умеет, и вот уже уступает куда более заметной страсти к работе, к поиску, к тайнам. Девчонку я раскусил в два счета. Незнакомец, угрожавший мне, узнал номер моего мобильного с оскорбляющей мое самолюбие легкостью. Девушка, посланная им, позвонила с моего телефона ему, и мой номер тотчас высветился на дисплее наглеца. Теперь мне известно, что сидит он в черной «девятке», которая вот уже второй день пасется около агентства, и о которой предупреждала меня Ирина.

Я глянул на часы. Всего-то без четверти десять. Может быть, праздник плоти еще состоится? Я невольно запустил руку в пакет с продуктами, пощупал шелестящие, податливые упаковки и сглотнул. Голод – прекрасный индикатор для оценки ситуации. Если бы мне грозила смертельная опасность, если бы я гнался по пятам опасного преступника, то думал бы о чем угодно, но только не о еде. Как-то, болтаясь по влажным лесам Индии, кишащим тиграми, ядовитыми змеями и крокодилами, я не ел трое суток. За что ж я себя сейчас так мучаю?

Этого риторического вопроса оказалось достаточно, и я тотчас вынул из пакета банку испанских маслин, вскрыл ее, вылил за окно рассол и отправил в рот целую пригоршню черных ароматных ягод. Выплывая косточки под колеса встречных машин, я помчался в обратном направлении. «Девятка», по-видимому, потеряла меня в те минуты, когда я учил девушку вежливости, как сумасшедший гонимый по ночным улицам. Теперь придется поменяться ролями, найти черную машину с тонированными стеклами, а потом, как выразилась моя недавняя пассажирка, надавать водителю по глобусу, да выяснить, что ему от меня надо.

Проехал продуктовый магазин, затем мост, оттуда свернул на узкую улочку, граничащую с вещевым рынком. Днем здесь полным-полно старьевщиков, и при желании можно купить кусочек истории. Однажды мне приглянулась медная корабельная рында. Она позеленела, будто покрылась мхом, надпись на ее обгрызенной кайме почти стерлась, но все-таки еще можно было прочесть имя судна «Отважный». Я хотел купить ее и повесить в агентстве, чтобы колокольным звоном объявлять об окончании рабочего дня. Ждал, ждал продавца часа два, но

так и не дождался. Потом мне сказали, что он пошел на обед и умер. Проехав по кругу мимо пельменной и ресторана «Хуторок», я опять свернул на набережную реки. Машин повсюду полно, сверкают стеклами и лакированными бортами, но черная «девятка» как в воду канула.

Я взялся за мобильник, главную игрушку в вяло развивающихся событиях сегодняшнего вечера, нашел сохранившийся в памяти номер, который набирала девушка, и надавил кнопку вызова. Мой клиент, если наглого незнакомца можно было так назвать, долго не отвечал. Наверное, гадал, что я могу ему сказать, и что на это ему следует ответить. Я начинал прибирать инициативу в свои руки, и это ему не понравилось.

– Я не просил тебя звонить мне! – сказал он сердито. – Когда будет надо, я сам позвоню.

– А у меня сегодня свободный вечер, – сказал я. – Если у тебя срочное дело, то зачем тянуть?

– Не твое собачье дело! – вновь сорвался на визг незнакомец.

Продолжая разговаривать, я свернул на Киевскую и покатил в сторону набережной. И тут я увидел черную «девятку». Машина стояла на светофоре, в правом ряду, дожидаясь зеленой стрелки.

– Я же ради тебя стараюсь, – сказал я, затягивая разговор, и со значением выдал пришедший мне в голову афоризм: – У кого в избытке времени, у того неоспоримое преимущество.

– Твои услуги понадобятся мне завтра утром! – проворчал незнакомец. – А сейчас ты мне мешаешь!

Я тотчас обогнал идущую впереди меня маршрутку и встал впереди «девятки». Загорелась стрелка. Я продолжал стоять и нести в трубку какую-то ахинею про гражданский долг и богатый опыт, которые толкают меня на ненормированный рабочий день, и не сразу заметил, что мой собеседник отключил связь, и я разговариваю с пустотой. «Девятка» едва ли не вплотную подъехала к моей машине и нервно посигналила, требуя, чтобы я начал движение или же уступил ей дорогу. Я ткнул пальцем в кнопку аварийной сигнализации и помахал из окна рукой, мол, извини, приятель, заглох. Пусть теперь матерится, плюется и дает задний ход, чтобы выбраться из пробки. Но сдать назад ему тоже будет не так-то просто, придется пятиться очень медленно и осторожно, сантиметр за сантиметром, чтобы не задеть идущие навстречу машины. И все это время водитель вынужден будет смотреть только назад. Это хорошо. Значит, он не увидит, как я выйду из машины.

Я наклонился и вынул из-под сидения гаечный ключ для ремонта разводных мостов. Полезная штукавина. Мне прислали ее наладчики из Питера, которые летом отдыхали на Побережье, и их немного пошерстили местные воришки. Воришек мы с Ириной вычислили за день, и уже через два дня питерцы получили назад свои деньги, плюс ящик голицынского шампанского в качестве штрафных санкций. Этот ключ я иногда использую как дополнительный аргумент, если приходится кого-нибудь убеждать в своей правоте.

А теперь делаем всё быстро. Я вышел из машины. «Девятка», как ни странно, вовсе не пятилась назад, а стояла на прежнем месте, уткнувшись своим передком в задок моей машины – ни дать, ни взять, две собачки знакомятся! И у нее тоже включена аварийная сигнализация. Водители других авто, полагая, что здесь произошла авария, аккуратно маневрировали, объезжали нас на малом ходу. Кидая сочувствующие взгляды, они сокрушенно качали головами, хотя не было ни битого стекла, ни покоренных бортов, ни, тем более, крови и распростертых на асфальте тел. Но посочувствовать – для автомобилистов святое дело. Я не мог знать, смотрит на меня мой злодей из-за тонированного стекла, а если смотрит, то видит ли он в моей руке увесистый аргумент. Странно, что он не делал попыток улизнуть отсюда и спасти свое инкогнито, да еще аварийку включил, будто бы демонстрировал желание познакомиться со мной воочию. А вдруг там кодла с пистолетами затаилась? И сейчас они поубавят во мне оптимизма, невзирая на мой аргумент.

Но отступить было поздно. Я подошел к «девятке» со стороны пассажирского сидения, и увидел, что задняя дверь приоткрыта. Разумеется, приоткрыта она была для меня, и этот знак не мог означать ничего иного, как желание незнакомца увидеть меня внутри своей машины. С чего это он вдруг изменил своим планам? Ведь хотел же позвонить мне завтра утром. Может, его одолела моя настырность, и я, сам того не желая, убедил его в необходимости беречь время. Что ж, это к лучшему. Сейчас мы всё выясним, во всём разберемся. Надеюсь, теперь наш разговор будет более спокойным. Может статься, его проблема яйца выеденного не стоит, и он приплел Ирину просто сгоряча.

Я решительно распахнул дверь. Заднее сидение было свободным, и я сел посередине, чтобы можно было развернуть плечи, и положил на колени ключ. Собственно, свободным было и переднее сидение. В машине не было никого, кроме водителя. Одетый в клетчатую рубашку с засаленным воротником, он сидел в какой-то трагической позе, упираясь лбом в рулевое колесо. Я мог бы подумать, что он плачет, склонив голову от неутешного горя и отчаяния. Но мой грубиян не проронил ни слова при моем появлении, и не пошевелился, лишь только его правая рука, обхватившая руль, скользнула к рычагу передач, как будто он намерился тронуться с места.

Я не сразу понял, что за рулем сидит мертвец.

Глава четвертая. Катафалк на буксире

Моей первой мыслью было, что несчастный так и не успел воспользоваться моими услугами, он не внял моему совету беречь время и решить проблему немедленно. Я не стал зажигать плафон на потолке кабины, достаточно было света фар проезжающих мимо машин. Моему неудачливому клиенту выстрелили в затылок. Я отчетливо видел входное отверстие под редкими, слипшимися волосами, почти бескровное, зияющее чернотой. Пуля хоть и прошла навывлет, но ветровое стекло уцелело, кровавые сгустки, смешанные с костной крошкой, заляпали часть стекла над вентиляционной щелью панели.

Кто-то постучал в окно, и от этого звука я вздрогнул, и мне показалось, что мои нервы со звоном лопнули, разрывая своими острыми кончиками внутренности.

– Мужики! – громко говорил кто-то, склонившись перед тонированным стеклом. – Составили бы схему, и съехали бы на обочину! Пробку устроили из-за пустяка!

Скверная ситуация, очень скверная! Я сижу в салоне чужой машины рядом с трупом; убийство произошло только что, буквально за две или три минуты до того, как я здесь оказался. По стеклу еще медленно ползут маслянистые отвратительные комки, похожие на огромных, ленивых, напившихся крови клопов, еще сочится из вскрытого лба мертвеца сукровица, стекает по сигнальной кнопке руля, капает на коврик, и я слышу этот ритмичный звук: клок, клок, клок...

Я бездумно, как загнанный в западню зверь, качнулся к двери, чтобы немедленно выйти отсюда, вернуться в свою машину и как можно быстрее свалить отсюда. Домой, домой! Закрыться на все замки, выпить и постараться забыть всю эту странную цепочку событий, как дурной сон. Так бы оно и было, если бы я, тупица, не искал приключений на свою голову, если бы не разыскивал черную «девятку», не играл бы с ней перед светофором. А как теперь уехать незамеченным, когда вокруг такое столпотворение, и все водилы и прохожие уверены, что случилось дорожно-транспортное происшествие? Покинуть место ДТП, выражаясь протокольным языком, это тяжкая провинность. На наши машины смотрят десятки глаз. Стоит мне только пересечь на свой «опель», да тронуться с места, как толпа свидетелей начнет старательно записывать на асфальте мой номер. Тогда, может быть, лучше остаться? Дождаться ГАИ, которая будет здесь с минуты на минуту... Но стоило мне представить себя, растерянного, бледного, сидящего в салоне вместе с трупом, как холодный пот выступил у меня на лбу. Что я скажу милиции? Как они воспримут мой лепет про девушку в красной юбке, про анонимный звонок, угрозу, и о моих благих намерениях, когда я с гаечным ключом шестьдесят восьмого калибра забрался в чужую машину!

Что же прикажете делать? Сбежать нельзя. Оставаться здесь – тем более. У меня не хватит денег на адвокатов, чтобы доказать свою невиновность. Даже если я продам квартиру, машину, сдам в долгосрочную аренду офис, а себя продам в рабство. Все факты против меня. Следовательно достаточно будет изучить входящие звонки на мобильник покойника: за час до убийства, и за полчаса, и за минуту до смерти несчастный водитель разговаривал со мной. «Гражданин Вацура, – спросит следователь, пуская дым сигареты мне в лицо, – а о чем вы разговаривали с пострадавшим незадолго до его трагической кончины?» – «Он грозился убить мою подчиненную, гражданин начальник, – отвечу я совершенно честно, – а я предлагал ему встретиться и обсудить все проблемы». – «Значит, он вам угрожал? Он пытался вас запугать? И потому вы стали его преследовать? Свидетели утверждают, что вы умышленно перегородили ему проезд на перекрестке, а потом подсели к нему в машину, держа в руках огромный гаечный ключ!» – «Я не преследовал его, гражданин начальник. Я хотел всего лишь поговорить с ним, чтобы не откладывать это дело на завтрашний день». – После долгой и многозначительной паузы, следователь как бы невзначай спросит: «Вы знали раньше убитого?» – «Нет, – начну

заверять я, еще не ведая, что уже стою на краю ямы. – Не знал и никогда раньше не видел его!» – «А как же получилось, что вы первый позвонили ему, этому совершенно незнакомому вам человеку?» – усмехнувшись, спросит следователь и сильным движением раздавит окурок о дно пепельницы. Мои неубедительные объяснения, что звонил вовсе не я, а незнакомка в красной юбке, он уже и слушать не станет.

Этот разговор мое богатое воображение прописало в мельчайших деталях. Я даже мог разглядеть марку сигарет, которые будет курить следователь, и он непременно будет лысым, с хитрыми подвижными глазками. Но к черту воображение! Что будет, того не миновать. Надо попытаться облегчить свою участь. Например, уничтожить улики, которые могут сыграть против меня... Где же его мобильник, по которому он разговаривал со мной? Осторожно, чтобы не выпачкаться в крови, я ощупал накладные карманы на его рубашке. В них только мятые мелкие купюры и водительские права. Вергелис Леонид Анатольевич, год рождения – тысяча девятьсот шестьдесят восьмой... Теперь карманы брюк. И здесь нет телефона... Я перегнулся через спинку переднего сидения и открыл бардачок. Дорожный атлас, сервисная книжка, промасленная тряпка, две разнокалиберные отвертки... Нет мобильного, никаких следов и намеков на его существование!

Да что ж я, в самом деле! Частный детектив или лох, окруженный на рынке милыми мошенниками? Конечно же, мобильник умыкнул убийца. Он тоже смекнул, что это – серьезная улика против меня, и теперь постарается подкинуть трубку следователю, который будет заниматься убийством... Проклятье! Я сжимал в руках гаечный ключ, и он норовил выскользнуть, словно увесистая свежая рыбина. Ладони необыкновенно влажные, пот ручьями течет между лопаток. Как душно и жарко! Вот-вот начнется гроза... Серебристый джип «мицубиси», объезжая «девятку» по обочине, пронзительно посигналил. Из окна высунулось злобное лицо молодого человека.

– Убирайте на хрен свой металлолом! – крикнул он. – Из-за какой-то дерьмовой царапины перегородили весь проезд! – И добавил уже для своей дамы, сидящей рядом: – Попадутся же два кретина, из-за которых сто человек будут страдать!

Водители, следующие за ним, осмелели. Они выяснили, что виновников затора можно безнаказанно хаять, хулить и обливать грязью, и начали кто как умеет срывать злость. Теперь каждый водила, проезжая мимо, считал своим долгом протяжно посигналить, а самые нервные выкрикнуть ругательство. Чего я только не наслышался в свой адрес! Убитому в этом отношении повезло больше, ему не пришлось краснеть в ответ на «дегенерата», «придурка», «олуха» и «козла вонючего». Протяжный и многоголосый вой машин слышал, наверное, весь город. Я сидел как на бочке с порохом, к которой по фитилю бежал огонь, но я не знал, что мне делать. Жуткое оцепенение охватило меня. Никогда раньше я не чувствовал себя столь беспомощным и растерянным.

– Мужики! – на удивление ласково сказал водитель «газели» с голым потным торсом. – Да отъедьте вы немного вперед и там разбирайтесь!

И тут меня осенило. Я понял, что надо делать. Идея была, безусловно, глупой, неразумной, я усложнял и без того аховое положение, но у меня появлялся шанс уйти отсюда до прибытия милиции, да еще и не вызвать подозрений у водителей. Не думая о том, чем этот сомнительный шаг обернется для меня, я выдернул из-под руки мертвеца ключи зажигания, повернул руль, блокируя его и выравнивая колеса, и вышел из машины. Вокруг урчали машины, клубился дым выхлопов, слепил глаза свет фар. Увидев меня (рост 182 сантиметра, вес мышечной массы – 95 килограммов), водители попридержали языки, и теперь проезжали мимо меня при гробовом молчании. Стараясь не напоминать пассажира тонущего судна, я расслабленной походкой, без суеты и дрожи подошел к своей машине и достал из багажника буксировочный трос. Один его конец я прицепил к своей машине, другой – к «девятке» мертвеца. «Девятка», к счастью, стояла почти параллельно линиям дорожной разметки. За перекрестком, если ехать

прямо, тянулась пустынная и темная улица, но, самое главное, она была прямой как взлетная полоса, и я мог буксировать по ней неуправляемую, способную двигаться только вперед «девятку» уж никак не меньше километра.

Беда вот в чем, подумал я, когда уже был готов сесть за руль своей машины. Мертвец не сможет затормозить, когда мне надо будет остановиться. Как мне сейчас не хватало друга! Верного, надежного друга, который бы без лишних вопросов примчался сюда и, не паникуя, не восклицая, ни ахая, помог бы мне скинуть с себя эту жуткую проблему. Таким другом до недавнего времени была Ирина. Теперь ее нет. «Не звони мне больше!» Может, позвонить Никулину?

Я опять забрался в салон «девятки», не без отвращения отодвинул в сторону безжизненную руку водителя и слегка затянул стояночный тормоз. Конечно, колодки будут нагреваться, скрежетать, зато, если не разгонять машину сильно, она при необходимости остановится почти что сразу.

Наконец, я в своей машине. Захлопнул дверь, поднял все стекла. Как здесь хорошо! Всё привычно, знакомо, как в доме. Но чувство безопасности обманчиво. За мной, в одной связке, такая тележка, какую врагу не пожелаешь. Мотор натужно загудел, машина дрогнула, но не сдвинулась с места. Только не это! Неужели я слишком затянул ручник? Неужели моя дорогая, родная машина со своей сотней «лошадок» не может сдвинуть с места проклятую «девятку»?.. Я надавил на газ сильнее. Мотор завыл, дым выхлопа за клубился вокруг туманом. «Давай, давай!» – подзадоривали проезжающие мимо водители... Машина тронулась с места. Поехали. Я с облегчением вздохнул и глянул в зеркало заднего вида. Черный катафалк, эта моргающая аварийными огнями труповозка следовала за мной. На черепашьей скорости мы пересекли перекресток. Я ехал по темной улице, стараясь придерживаться ее середины. Здесь мало фонарей. Темнота, как было уже много раз, опять стала моим союзником. Разве это нормально? Человек должен стремиться к свету, к солнцу, которому обязано всё живое на земле, но я до сих пор оставался жив лишь благодаря мраку.

«Девятка» постепенно сдвигалась влево. Она была вроде детской игрушки, пущенной ребенком по доске: доедет до конца или свалится на середине? Я не знал, куда волоку свой страшный прицеп, но почему-то желал оттащить его как можно дальше от рокового перекрестка, в самую глухую часть города, где никто нас не увидит, и две машины на сцепке ни у кого не вызовут подозрений... Мы двигались с черепашьей скоростью. Редкие прохожие не обращали на нас внимания. Никому не было никакого дела до двух машин с включенными аварийными огнями, но меня терзало такое чувство, будто люди догадываются о том, что я волочу за собой. По-моему, эта молодая парочка слишком пристально смотрит на «девятку». А парень, кажется, показывает на нее рукой... Может быть, я плохо закрыл дверь? Или машинально опустил стекло, и они увидели сидящий за рулем окровавленный труп?

Я продолжал ехать с навязчивым желанием проверить, хорошо ли заперта дверь у «девятки». Я уже не мог думать ни о чем другом, кроме как о незапертой двери. А вдруг она распахнется, и труп вывалится на мостовую? Нет, нет, такого быть не может! Я отчетливо помнил, как захлопнул – до привычного щелчка – дверь. Да еще заблокировал ее кнопкой... «Девятку» всё сильнее уводило в сторону. Ее можно тащить за собой до тех пор, пока колеса не притрутся к бордюру. Где это произойдет, там я ее и брошу. Еще метров пятьсот, не больше... Быстрее бы освободиться от этого ужасного груза, очиститься от него, забыть его! Хорошая улица, почти совсем нет фонарей. Люди ищут здесь уединения, чтобы посидеть под кипарисами, насладиться головокружительным запахом ночных фиалок. А я волоку сюда жестяной гроб. Я намереваюсь подложить влюбленным, романтикам и любителям укромных уголков омерзительную свинью. Простите меня, люди, но что я могу поделать?.. Еще немного, еще пару сотен метров...

И тут откуда-то из темноты прямо под колеса моей машины быстрым шагом вышел милиционер. Я увидел, что это милиционер, лишь только благодаря скудному свету, падающему из окон первого этажа жилого дома. Он взмахнул разукрашенной под зебру палочкой, приказывая мне остановиться. Я обмер. Вот и всё, приехали... Сам не помню, как надавил на тормоз, и даже не посмотрел, сколько еще проехала по инерции «девятка». Что же мне ему сказать? Сейчас он проверит у меня документы, затем неторопливо, вразвалочку направится к «девятке». Остановится у водительской двери, нахмурит брови – с чего это вдруг водитель так медлит, не демонстрирует представителю власти своего уважения? Потом постучит палочкой по стеклу. «Он что там, уснул?» – с кривой улыбкой спросит милиционер меня, даже не догадываясь о том, насколько близок к истине. И что мне на это ответить? Что нашел на обочине машину с трупом и решил доставить ее в отделение милиции? Бред! Или сыграть удивление, мол, хрен его знает, почему за рулем сидит труп? Двадцать минут назад сидел живой человек. Просил подвезти до автосервиса. И я повез. А то, что он уже труп, для меня самого невиданная новость... О, Господи, да что бы я ни сказал милиционеру, всё это будет чудовищная ахиней, лопотание психически ненормального человека, дебила.

Я с трудом нащупать кнопку, опускающую стекло. Милиционер приближался, как палач, готовый затянуть на моей шее виселичную петлю. Надо взять себя в руки. Ведь я не виновен, не виновен! И буду с остервенением доказывать это, сколько бы времени, сил и здоровья на это ни понадобилось!.. Он приблизился. Не разглядеть выражения на его лице в сумерках. Нет, не станет он спрашивать у меня документы. Он уже всё знает. Операция «Перехват» или какой-нибудь там «Бросок кобры». Сейчас он попросит вытянуть руки и защелкнет на запястьях наручники.

– Фары, – сказал милиционер.

– Что? – Я не понял, о чем он, и подумал, что ослышался.

– Фары включать надо, когда буксируешь автомобиль! – громче сказал он. – Подзабыл ведь правила, дружок, а обязан знать их наизусть. Ибо кровью они писаны, понял? Человеческой кровью!

И он сразу забыл обо мне. Повернулся ко мне спиной, снял с головы цилиндр, промокнул платком лоб и, не торопясь, пошел в темноту.

Я не мог поверить, что мое стремительное падение в бездну внезапно прекратилось, и я будто обрел крылья... Что он сказал про человеческую кровь? Он заметил на «девятке» кровь?

Я сильно ткнул пальцем в клавишу, врубающую свет фар. Для надежности выключил и тотчас включил снова. Горит, светит, лупит так, что из темноты выперли стоящие на обочине дороги кусты и деревья, мелкий мусор, пластиковые бутылки и даже чьи-то оголенные ноги в зарослях самшита. Фу ты, ну ты! Нельзя же прокалываться на таких мелочах! В самом деле, что ли, подучить правила? Взялся за рычаг и заметил, что рука дрожит.

Через метров двести дорога закончилась тупиком. Темный, мрачный тупик, заставленный мусорными баками. Лучшего места не придумаешь! Ах, думал я, выходя из машины и торопливо сматывая буксировочный трос, что со мной сотворила судьба-злодейка! Я, словно крыса, с упоением воспринимаю этот вонючий темный тупик. Мне здесь комфортно и спокойно. Здесь я чувствую себя в безопасности. Нервы отдыхают. Родней дома стала эта клоака.

Скованными движениями я открыл заднюю дверцу «девятки». Мертвый водитель пребывал в той же позе, только голова чуть завалилась, и его нос уткнулся в вентиляционную решетку панели. Я принялся протирать платком всё, к чему мог прикоснуться – ручки дверей, бардачок, руль и даже стекла. Невольно я помогал убийце замести следы, и тем самым усложнял работу криминалистов. Уму не постижимо – я делал благое дело какому-то негодяю, мокрушнику! Как порой жизнь выворачивает извечные понятия наизнанку... Под ногой я почувствовал какой-то маленький, перекатывающийся предмет, вроде крупной горошины. Наклонился, поднял гильзу от пистолета. Такой раньше я никогда не видел. Совсем крохотная,

по высоте не больше сантиметра. Я хотел было протереть ее и положить на коврик, на естественное место, но неосознанное побуждение заставило меня сунуть ее себе в карман. Может быть, я расхотел выпускать из рук эту тоненькую ниточку, связывающую меня и убийцу.

Я оставил «девятку» в том же состоянии, в каком она была, когда я первый раз забрался в ее салон. Не забыл оставить в гнезде ключи зажигания и чуть приоткрыть заднюю дверь. Теперь уголовному розыску придется поломать голову... Хотя, еще не известно, кому больше придется ломать голову – милиции или мне.

Возвращался домой я по самым узким и темным улочкам, причем кружил по ним по несколько раз, проверяя, нет ли за мной «хвоста». С каждой минутой я всё дальше и дальше удалялся от черной машины, в которой, прижавшим лицом к рулю, сидел мертвец. Но даже тогда, когда я оказался дома, запер дверь на все замки и накатил стакан теплой водки, облегчения не наступило.

Глава пятая. Молчите, бараны!

Сомнамбулистическое состояние, в котором я провел остаток ночи, трудно было назвать сном. Я не мог сказать точно, как поздно перестал думать о «девятке» и убитом водителе, и в котором часу утра снова начал перетирать в уме эту тему. Мысль моя работала беспрерывно, лишь периодически угасая и снова вспарывая. Когда моим размышлениям стали мешать вопли кошек, доносящиеся через распахнутую настежь балконную дверь, я понял, что наступило утро, и бесполезно изображать спящего.

Нетрудно представить мое состояние. Я даже опустил глаза, войдя в ванную, чтобы не увидеть отражение своей физиономии в зеркале и тем самым окончательно не испортить себе настроения. Голова гудела, в глазах – песок, в горле – комок. Стоя под душем и изо всех сил массируя темечко и затылок, я думал о том, как теперь распорядиться внезапно свалившейся мне на голову проблемой. Идти в милицию в качестве свидетеля спешить не стоило. Вовсе не для этого я потел вчера вечером рядом с трупом, отыскивая выход из ситуации. Но делать вид, будто ничего не произошло, жить и работать в привычном русле – тоже негоже. Мое безмятежное существование может оборваться в любое мгновение. Невозможно предвидеть, по какому пути пойдет следствие, насколько умными окажутся сотрудники уголовного розыска. Если они кинутся по моим следам, то следственный изолятор в самое ближайшее время мне гарантирован. А потому, завоеванную такими трудами и нервами свободу я должен использовать только на то, чтобы найти себе безупречное алиби. Иными словами, к моменту встречи с милицией я должен иметь на руках веские аргументы.

Щетина на щеках от горячей воды стала мягкой и податливой. Я с удовольствием намылил ее пенкой и провел новеньким станком с двойным лезвием. Бритье – удовольствие для тех, кто любит чистоту, а чистота человека начинается с лица... Где ж мне взять эти веские аргументы? На этот момент я располагал гильзой от небольшого, наверняка карманного пистолета, фамилией убитого да номером его мобильного телефона, наверняка похищенного убийцей. Немного.

Я смыл пену, тщательно вытерся жестким полотенцем и вооружился феном. Зеркало запотело, я видел себя словно в тумане. Но по мере того, как горячий воздух сушил поверхность зеркала, мой абрис проступал все чётче. Дай Бог, чтобы личность убийцы в ближайшее время тоже обрела видимые черты. Но откуда эта неуверенность, что я смогу разобраться в сути произошедшего? Ведь далеко не в первый раз я берусь за расследование криминала. Быть может, уже в тридцать первый раз! И почти всегда я распутывал накрученные преступниками узлы.

Минут десять я гонял под струей горячего воздуха короткие волосы, зачесывая их то на левую сторону, то на правую, в результате чего они встали дыбом. Полюбовавшись собой, я решил ничего не менять. Каково самочувствие, такова и прическа. В человеке всё должно быть гармонично... «Врешь ты, нет у тебя жены!» – вспомнил я обличительную реплику фифочки, с которой познакомился в самолете. Интересно, а как она догадалась? Ведь в ванную, где отсутствие женщины особенно заметно, она не заходила.

На завтрак – два ломтика поджаренного на тостере белого хлеба, стакан зеленого чая без сахара и сваренное вкрутую яйцо. Чай я допивал уже сидя перед экраном ноутбука. Загнал диск с базой данных, открыл папку с жителями республики. Пальцы забегали по клавиатуре. М-да, чувствуется нервное перенапряжение, в фамилию «Вергелис» вlepил ненужную «о», а в имя «Леонид» – лишнюю «н»... Мгновение – и машина выдала мне адрес: улица Свердлова, дом двадцать четыре, квартира два. Записывать адрес я не стал, несколько раз прочитал вслух и запомнил. Никаких лишних бумажек с названиями улиц и номерами домов в карманах носить

не люблю. Случись что, потом долго придется объяснять милиционеру, для какой цели у меня с собой адрес убитого водителя.

– Как здоровье? – спросил я Никулина, когда тот поднял трубку на другом конце провода и громко высморкался вместо приветствия.

– Превосходно, – мрачным голосом прогундосил он. – Стиральная машина сломалась от избытка носовых платков. Вызвал сантехника, так этот подонок забыл закрыть клапан и затопил моих соседей. Вот сейчас сижу и пью с ними водку.

– Ты у нас специалист по оружию, так ведь?

– Жаль, что сантехник об этом не знал, когда ко мне шел.

– Мне тут один знакомый коллекционер принес гильзу, – сходу придумал я. – Малюсенькая, я таких раньше не видел. Можешь определить, к какому оружию она подходит?

– Что, совсем малюсенькая? Как вошь? Размеры скажи.

Пока я бродил по комнате в поисках линейки, прижав трубку к уху, то слышал, как Никулин scomандовал кому-то: «Хватит рыдать! Ни хрена с твоими говеными обоями не делается! Наливай!» Я тщательно измерил гильзу. Высотой она была двенадцать миллиметров, а калибр такой же, как у старого «Калашникова» – семь – шестьдесят пять.

– Возможно, эта гильза от патрона для карманного «Рот-Зауэра», – пояснил Никулин, сочно и громко жуя. – Это довольно старенькая немецкая модель, но иногда встречается у наших бизнесменов, которые любят антиквариат... Только ты не свисти мне про коллекционера. Ведь нашел где-то, и уже сломя голову мчишься по следу преступника? Так ведь?

Я ушел от ответа и послал вдогон еще один вопрос:

– А глушитель на него можно пристроить?

– При желании глушитель можно пристроить даже на анус, – дал исчерпывающий ответ Никулин. – Как дела в конторе? Смачный поцелуй от меня Ирине!

Я лишь мгновение колебался, и решил сказать всё начистоту:

– Ирина уволилась. Она нашла себе другую работу.

– Что?! – взревел Никулин и закашлялся. – Ты, чудовище, всё-таки извёл ее? Вот именно это настоящее преступление, а не та хренотень, которой ты занимаешься!

Он кинул трубку. Я понял, что если дело пойдет так дальше, я потеряю и Никулина. Тяжелые напольные часы пробили девять раз. Одеться надо непривлекательно. Сойдут свободного покроя джинсы и кроссовки, в которых я был вчера. А вот футболку... Я перебирал свой гардероб. Красная не пойдет, в ней меня за три версты будет видно. А вот темно-синяя в самый раз! Правда, палящее солнце нагреет ее как просмоленную бочку для дачного душа... Да, яйцо забыл съесть! Оно уже остыло, скорлупа отрывалась вместе с белком. Ненавижу яйца, которые плохо очищаются! С полным ртом снова взялся за трубку телефона. Для очистки совести надо послушать милый голосок Ирины. Утро вечера мудренее, может, моя красавица сменила гнев на милость?

– Вот что, Вацура! – тщательно, выговаривая каждый звук, как логопед на занятии, произнесла Ирина. Дальним фоном отзывался звук падающей воды. Наверное, Ирина находилась в ванной. – Последний раз предупреждаю тебя, что на твои звонки я больше отвечать не буду!

– Я всего лишь хочу тебя предупредить... – начало было я, но вместо Ирины со мной уже общались торжествующие гудки, словно улюлюкающие лягушки.

Я носился по квартире, словно начался пожар. Когда спешишь, торопишься, то цель кажется более значимой, и начисто улетучивается нерешительность. Ключи от машины. Документы. Деньги. Много денег, и желательно в твердой валюте. Аргументы, будь они прокляты! Дорогой товар.

Уже у дверей я вспомнил про мобильный телефон, смахнул его с полочки, глянул на дисплей. Телефон был отключен – с того момента, как я перегородил «девятке» дорогу у светофора. Включить его или пока не стоит? Я не мог объяснить самому себе, что меня удерживает.

С мобильником теперь были связаны не лучшие ассоциации, по нему я разговаривал с человеком, которому оставалось жить считанные минуты. Может, потому маленькая серебристая трубочка, без которой в своей работе я был как без рук, теперь казалась мне таким троянским конем, симпатичным предателем?

Этажом ниже в кабину лифта затолкался сосед с двумя бульдогами. От собак тянуло псиной. Один из псов наступил мне лапой на ногу.

– Не бойся, не бойся, – приговаривал сосед и ласково трепал зверя за ухом. Я всё прокручивал в уме последнюю фразу Ирины. Слава Богу, она жива, невредима и, кажется, озабочена только моим ненавистным звонком. Эть, как я достал девчонку своим скверным характером и бессовестным поведением! До сих пор успокоиться не может, разговаривает со мной, как бульдог без намордника. Но только меня не надо пытаться вводить в заблуждение. Ирина по-прежнему любит меня. Она без ума от меня. Сейчас она всего лишь под гнетом паршивого настроения. Ревность – как болезнь. Сначала острая форма, человека лихорадит, у него повышается температура; затем наступает период депрессии, слабости, безволия, когда много слез и отсутствие желания жить. А за этим уже следует выздоровление, и больной с оптимизмом говорит себе: и стоило мне так печалиться, когда всё прошло бесследно?..

Я представил Ирину в ванной: она почти обнажена, обернута большим баннным полотенцем, подобно дорийскому хитону, которое связано узлом над грудью. Волосы зачесаны назад, чтобы не мешать макияжу, в зеркале отражается высокий глянцеви́тый лоб, чуть округлый, идеально чистый, без единой морщинки и прыщика. Можно подумать, что она, следуя моде позднего средневековья, нарочно удалила волосы со лба ради «благородного овала». Но этим овалом Ирину наградила природа. Носик маленький, слегка вздернутый кверху – необыкновенно точное дополнение к упрямому характеру Ирины. Брови тонкие, волосок к волоску, но не кокетливо выгнуты дугой, что выражало бы неугасающее удивление, а ровные. Оттого, может быть, ее лицо кажется безэмоциональным, выдержанным, и весь ее внутренний мир подчинен законам жесткой дисциплины. Ни дать ни взять – референт военного министра. Но это обманчивое впечатление, и наши клиенты, которые при виде Ирины теряли дар речи, не знали, сколько нежности и душевного тепла скрывает холодный блеск ее серых глаз! «Ну, посмотри на себя в зеркало! – говорил я ей. – Какой из тебя сыщик? С тебя греческих богинь лепить!»

Двери лифта распахнулись, первый пес рванул к выходу, к своей любимой ступеньке у подъезда, на которой даже в самые жаркие летние месяцы не просыхала желтая лужица. А второй бульдог вдруг повел себя странно. Он повернулся ко мне, опустил свою сочную морду, напоминающую раскисший от дождей перезрелый гриб, ткнулся в мои кроссовки и утробно зарычал.

– Фу, Грэй! Фу! – забеспокоился хозяин, вывалился из кабины и с силой потянул поводок.

У меня никогда не было собаки, и потому я не понимал психологию людей, которые решились взрастить в своем малогабаритном, бетонно-кирпичном жилище животное, которому природой определено либо помогать человеку в добывании пищи, либо охранять его жилище снаружи, либо волочить по снегу сани. Что в переводе на русский значит «Фу, Грэй!»? Хозяин беспокоится за собаку или за меня?

Пес сопротивлялся, но соседу все-таки удалось отволочить его на улицу. Интересно, чем бульдогу не понравились мои кроссовки? Среди собак тоже встречаются чудaki, поведение которых не поддается объяснению. Бывает, что им ни с того, ни с сего приспичит продемонстрировать свою преданность хозяину, и способы проявления этой преданности могут быть непредсказуемыми. Я вырулил на улицу Кирова, встал за троллейбусом и неторопливо покатил за ним в центр. Салон моей машины сейчас почему-то напоминал место проведения какой-то гнусной акции – то ли камеру пыток, то ли газовую камеру. События вчерашней ночи, тем не менее, казались необыкновенно далекими и даже нереальными, словно я в изрядном подпитии смотрел жестокий фильм, а сейчас многие эпизоды почти стерлись из памяти... Проехал под

канатной дорогой. Из подвесной люльки кто-то кинул вниз пустую пивную бутылку. Хорошо, над дорогой натянули сетку, и бутылка не пробила мне ветровое стекло.

На пересечении с Киевской я мельком глянул на злополучный светофор. Почему всегда кажется, что место преступления, даже если там не было никаких следов, отмечено черной печатью? Перекресток, как перекресток, в городе таких десятки, но мне увиделись на нем машина-призрак с покойником за рулем, и следы крови на разогретом асфальте, и вот уже прохожие искоса, чтобы не выдать злорадства, поглядывают на меня, лица их злобные и мстительные: «А, убийца едет! Не выдержал, вернулся на место преступления? Все так делают, и Родион Раскольников так делал...»

Я притормозил у телефона-автомата. Сейчас у всех телефоны с определителем, а уж в милиции – подавно. На тот случай, когда мне хотелось сохранить инкогнито, я пользовался таксофоном. Прежде, чем взяться за трубку, я обмотал ладонь носовым платком. От такой предосторожности мне самому стало противно, и я в сердцах сплюнул под ноги.

Мне ответил дежурный по управлению. Я тотчас вспомнил, каким голосом говорил со мной Никулин.

– Простите, что вас беспокою, – произнес я, зажав нос пальцами, – но на улице Гувинской, рядом с мусорными баками, стоит легковая машина с открытой задней дверью...

– Знаем, бабуся, – ответил дежурный. – Уже были звонки... Спасибо за бдительность.

Перестарался, подумал я и, повесив трубку, ударился о козырек таксофона темечком. Не фига себе бабуся! Я вернулся в машину и глянул на свое отражение в зеркале: не произошла ли страшная метаморфоза? Вроде нет, только лицо немного бледное, и под глазами синяки. Если как следует выспаться, то всё пройдет.

Я развернулся и поехал в обратную сторону. Если за моей машиной наблюдать с вертолета, то решительно невозможно будет понять, чего я добиваюсь. Перед поворотом на Гувинскую я сбавил скорость настолько, что идущие в том же направлении пешеходы стали меня обгонять. Свернуть или нет? А почему, в самом деле, преступника всегда тянет на место преступления... Ва-а-а, договорился! Какой же я преступник? Что ж я чужой грех на свою светлую душу беру?

И свернул. Руки сами стали крутить руль влево. Чем ближе я подкатывал к тупику с мусорными баками, тем сильнее холодело внутри. А что, собственно, я хочу увить? Толпу милиционеров, окруживших «девятку», экспертов, машину «скорой», носилки с телом Вергелиса, накрытым простыней? Когда впереди показались мусорные баки, я даже дышать перестал. Остановился, испугав добрый десяток разношерстных котов, которые копались в мусоре наравне с двумя бомжами. Развернулся в два приема, чтобы не задеть строй пустых бутылок, бережно выставленных у бордюра, и покатил в обратную сторону. «Девятки» не было. И вообще, ничего не было, что бы напоминало вчерашние события. Не перепутал ли я улицу? Нет, не перепутал – Гувинская. Хотя ночью все здесь казалось иным, более масштабным и мрачным. Быстро, однако, сработала милиция!

Напротив того места, где я оставил «девятку», толкались, размахивали руками и очень звонко кричали мальчишки. Один был высокий и худой, второй чуть пониже, третий – совсем мелкий, как пенек. Мальчишки напоминали трубы церковного органа в момент исполнения мажорной фуги. Высокий периодически отвешивал подзатыльники среднему, а средний, в свою очередь, пинал по тощему задку самого маленького. Зато маленький громче всех кричал:

– Да ты чё? С дуба рухнул? У него на затылке была рана! Его монтировкой долбанули!

– Вот козёл! – пытался перекричать оппонента высокий мальчик. – Если не видел, так молчи! У него всё лицо было в крови, он в лобовое стекло впечатался!

– В него из пистолета пальнули! – яростно перекрикивал обоих сразу средний мальчик. – Мне Сашка из восьмого дома сказал! У него в милиции братан работает, он всё знает!

– Да молчите, бараны! – с высоты своего роста вещал самый длинный, и в качестве дополнительных аргументов принялся раздавать оплеухи.

Я прибавил скорости. Наверняка нашлись свидетели, которые видели, что «девятку» приволокла сюда на буксире легковая машина. Номер в темноте вряд ли кто разглядел, но вот модель и цвет могли запомнить. Не исключено, что мой зеленый «опель» уже в розыске. Одно утешение, что подобных машин в городе немало, да плюс еще целая армия отдыхающих на своих авто. Ищите!

На улицу Руданского въезд был закрыт «кирпичом», и я свернул к морвокзалу, чтобы оттуда попасть в начало Свердлова. Теперь я снова не мог думать ни о чем другом, как об убийстве водителя. Я постарался представить события, которые произошли в черной «девятке». Почти два дня подряд Вергелис следил из своей машины за агентством, желая то ли встретиться со мной, то ли выяснить, как я выгляжу. Затем он позвонил Ирине и попросил у нее мой домашний адрес и номер мобильного телефона. Ирина не дала. Тогда Вергелис сел мне «на хвост» и кружился за мной по всему городу. Когда я зашел в магазин за продуктами, он подослал ко мне девицу в красной юбке и с внешностью пуделя, и с ее помощью определил номер моего мобильного. Тотчас позвонил мне и стал требовать, чтобы я ему помог, да еще угрожал, что в случае отказа расправится с Ириной...

Я резко затормозил перед фотоателье: две девушки переходили дорогу, рассматривая на ходу свеженькие фотографии. Они хихикали, тыкали в снимки пальчиками и ничего более не замечали, в том числе и проносящихся по улице машин. У одной, рыженькой, были обожжены предплечья, и кожа сходила клоками, похожими на тонкую пищевую пленку... Что делал и как себя вёл Вергелис до того, как я перегородил ему дорогу на светофоре, я мог представить более или менее ясно. Но что произошло потом? К нему в салон ворвался злоумышленник и выстрелил в затылок? Интересно, откуда убийца мог знать, что именно в эту минуту, именно на этом светофоре я перекрою «девятке» дорогу? Нет, это шито белыми нитками. Преступник находился в машине еще задолго до того, как «девятка» встала на светофоре.

Улица Свердлова... Я сбросил скорость, глядя на нумерацию домов. Красивые здесь дома. Мне нравилась эта улица, полого поднимавшаяся в старую часть города. Что ни дом, то антиквариат. Из каждого подъезда веет историей, сырой прохладой и запахом кошек. Окошки маленькие, прищуренные, но, словно глазки модниц, подведены яркими подвесными клумбами в продольных ящиках. Длинноволосый юноша, разложив на парапете тюбики с красками, кисти, баночки с растворителями, стоял перед членистоногим этюдником и рисовал на холсте терракотовые крыши. Хаос четырех- и треугольников, перечеркнутых нитями электрических проводов; и кое-где, из этой геометрической свалки вырываются к запаренному небу остроконечные кипарисы, похожие то ли на художественные кисти, то ли на минареты, и в этой картине, где часть деталей как бы стелется по земле, а другая – устремляется в небо, есть какая-то удивительная красота и логика. Так выглядит сверху мой город. Наверное, чайки счастливее нас, людей, они видят город так, как пытается запечатлеть его на холсте молодое дарование, и не ведают, что иногда творится под этими терракотовыми крышами.

Значит, преступник подсел в машину к Вергелису вовсе не на светофоре. Вергелис громко разговаривал со мной, требовал, угрожал убийством, а человек, сидящий на заднем сидении, разумеется, всё слышал. И Вергелис не мог не знать, что пассажир всё слышит. Значит ли это, что водитель не просто доверял пассажиру, а эти два человека – убийца и его жертва – были единомышленниками? Кстати, а почему я не нашел в салоне «девятки» черные очки, о которых упоминала девушка в красной юбке? Может, они упали водителю под ноги?

Глава шестая. Что, вляпался?

Я припарковался у дома номер восемнадцать, и оставшуюся часть пути прошел пешком. Вот дом двадцать четыре. Кованая чугунная ограда под каменной аркой. Кладка старая, потемневшая от времени и влаги. Ступенька отполирована до блеска. Я зашел в узкий дворик, погруженный в тень. Над головой сплелись виноградные лозы. Гроздья еще зеленого, дымчатого винограда свисали сверху, будто замысловатые светильники. Тяжелая, обитая снизу латунной пластиной дверь скрипнула, ржавые пружины загудели, как струны музыкального инструмента. Широкие ступени по спирали поднимались вверх. Вот вторая квартира. Дверь уже потеряла былой рельеф из-за немыслимого количества слоев краски. Наверное, надо изрядно потрудиться со стамеской в руках, чтобы расковырять краску и добраться до древесины. Звонки не работали. В старых домах, где живут не слишком обеспеченные люди, звонки обычно не работают. Жильцы экономят на электричестве. Зачем тратить ток, когда можно постучать?

Я постучал: несильно, с большими паузами. В семье несчастье, громкие и требовательные звуки будут восприняты как оскорбление чувств. Никто не открыл, и я постучал еще раз. Тут снизу долетел скрип двери, и по лестнице стала медленно подниматься мелкая невзрачная женщина. Лицо ее было узким, бледным, нос тонкий и длинный, как у мыши.

– Здесь я, здесь, – произнесла она с одышкой. – Сил никаких... Вы ведь из милиции, я не ошиблась? Голова кругом идет. – Она достала из тряпичной сумки ключ – большой «лепесток», похожий на те, какие в старину носили тюремщики. – Этот эксперт, он совсем ненормальный. «По каким признакам вы его опознали?» – спрашивает. А у меня на глазах слезы, я хватаю ртом воздух. «Вы, – говорю я, – женаты?» «Нет», – отвечает... Всё ясно. У меня больше вопросов не было.

Она открыла дверь, зашла первой в темную прихожую, где разошедшиеся паркетины ходили ходуном независимо друг от друга, как кости домино, рассыпанные по полу. Кинула в угол сумку, побрела куда-то в мрачную утробу квартиры.

– Не разувайтесь, вы не первый, и не последний. Соберу всю вашу грязь, а уж потом приберусь.

Я, стараясь производить как меньше шума, на цыпочках пошел за хозяйкой квартиры. Комната, куда мы зашли, была темной, плотные шторы, закрывающие окна, не пропускали и без того скудный дворовый свет. Женщина раздвинула шторы, села на потертый диван рядом с круглым одноногим столом, и застыла в скорбящей позе. Я только раскрыл рот, чтобы осторожно спросить о муже, как она опередила меня.

– Две недели назад я похоронила брата, – произнесла она сильным голосом, в котором угадывалось сдержанное возмущение. – Ездили мы на похороны в Симферополь. А теперь вот я и мужа лишилась... Что происходит, вы можете мне сказать?... Ой, только не надо меня успокаивать! Я и так веду себя, как сытый ламантин. Муж как накаркал на самого себя! Когда мы брата хоронили, его жена так убивалась, так голосила, так билась головой о гроб! Ужасное, ужасное зрелище! И когда мы уже назад ехали, муж говорит: «Когда ты будешь меня хоронить, пожалуйста, не кричи таким ужасным голосом. И вообще не кричи. Стой себе молча и не позорься». Вот, получается, я выполняю его последнюю просьбу... Хотите кофе? Только сами приготовьте, а то у меня никаких сил нет... И спрашивайте, спрашивайте, не молчите. Я ж теперь как «черный ящик» от разбившегося самолета – все последние дни Лёни по часам пересказала: что он ел, что пил, кому звонил, куда ходил.

– К сожалению, мне придется задать похожие вопросы, – наконец, произнес я.

– Ну что? Пересказать нашу жизнь? Меня уже и на магнитофон записали ваши коллеги... Никаких врагов у него не было, и никому его смерть была не нужна. Я думаю, его просто хотели

ограбить. Я ж ему сто раз повторяла: смотри на людей, прежде чем впускать их в машину, не гонись за большими деньгами... Эх, что теперь изменишь?

– Он занимался частным извозом?

– Частный извоз! – усмехнулась женщина. – Как красиво звучит... Ну да, работал извозчиком. Днем около рынка находил клиентов, вечером – у набережной. И пьяных возил, и трезвых. Полгорода уже, наверное, перевез.

– Вы не замечали, в последние дни ваш муж не был чем-то озабочен? Его ничто не угнетало?

– В последние дни, как раз, он был в очень хорошем настроении.

– Он звонил вам вчера вечером?

– Как он мог позвонить, голубчик? Он из машины часами не выходит. Даже чай перед выходом из дома не пьет, чтобы лишний раз не останавливаться.

– Но ведь он мог позвонить вам из машины, с мобильного.

– С мобильного? – удивилась женщина и развела руками. – А мобильного у него отродясь не было. Эта штучка дорогая, и нам не по карману. Да и о чем нам с ним говорить после двадцати лет совместной жизни?

– Странно, – произнес я.

– А с чего вы взяли, что у него должен быть мобильный? – в свою очередь удивилась женщина и, как мне показалось, насторожилась.

– Я просто предположил. Сейчас почти у всех есть мобильные телефоны.

На некоторое время в комнате повисла гнетущая тишина.

– Вы сказали, что в последние дни у вашего мужа было хорошее настроение, – продолжал я. – Были приятные новости?

– Он нашел богатого клиента, – ответила женщина, цепким и внимательным взглядом рассматривая мои руки. – Муж возил его с утра до вечера два дня подряд.

– И вчера?

– И вчера, по-моему, тоже, – кивнула женщина. – Ваши коллеги меня замучили, расспрашивая об этом человеке. И потому я вас сразу предупреждаю: я ничего о нем не знаю. Ничего. Единственное, это то, что клиент очень хорошо платил. Дважды муж приносил домой по сто долларов.

– И вы даже не знаете, по какому маршруту ваш муж возил клиента?

– Я же вам сказала: я ничего о нем не знаю.

– Он расплачивался с вашим мужем после рабочего дня?

– Да. Муж два дня подряд уезжал куда-то к семи утра, а возвращался около десяти вечера. Я еще предупреждала, смотри, мол, не опоздай к своему благодетелю, а то он найдет себе другого водителя. Сегодня он тоже поехал к семи.

– Много бензина потратил за эти три дня?

– Муж обычно собирает и хранит в бардачке квитанции с бензоколонок. Следовательно просмотрел их и сказал, что последний раз муж заправлялся четыре дня назад.

– Выходит, в эти дни он на большие расстояния не ездил?

– Выходит, что так...

– Никаких подозрительных предметов в карманах вашего мужа не нашли? – потеряв бдительность, спросил я, и с опозданием прикусил себе язык.

Женщина сразу обратила внимание на то, что вопрос нелепый. Она скрестила руки на груди, откинулась на спинку дивана и, не сводя с меня глаз, произнесла:

– Странно, что вы, работник милиции, меня об этом спрашиваете. Это я вас об этом должна была спросить. Это ведь вы вместе со своими коллегами обыскивали карманы Лёни! Или я ошибаюсь?

– Видите ли, – начал я выкручиваться, – меня только что подключили к оперативной группе.

– Нет, ничего не нашли, – ответила женщина, кидая на меня пытливые взгляды, и я заметил в них хорошо спрятанное недоверие. – А его права, и записная книжка, и паспорт были так залиты кровью, что уже не всё там разберешь... Господи, сколько крови! Я чуть в обморок не упала, когда мне машину показали. Это не машина, а какой-то цех по свежеванию...

И тут я заметил, что женщина смотрит вниз, на мои ноги, и лицо ее быстро меняется, глаза расширяются, губы размыкаются, словно ей хотелось крикнуть. Я невольно кинул взгляд на свои кроссовки.

– А в чем это они у вас выпачканы? – тихо произнесла она.

И тут к своему ужасу я увидел отчетливые бурые пятна крови на кайме подошв.

– Сам не знаю, – пробормотал я и убрал ноги под стул. – Может, кирпичная пыль? Я вчера на стройке рабочих опрашивал.

– Ну да, – произнесла женщина. Губы ее были напряжены. – Очень похоже на кирпичную пыль. Просто поразительное сходство...

Я встал, чувствуя, как начинает полыхать мое лицо.

– Больше не буду вас мучить своими вопросами, – пробормотал я, пятясь к выходу. Мною овладело жуткое желание снять с себя кроссовки и вышвырнуть их из квартиры.

– Я вас не провожаю, – произнесла женщина и прикрыла глаза.

Я быстро вышел из квартиры, закрыл за собой дверь, спустился вниз и там, у окна, внимательно осмотрел подошвы кроссовок. Проклятье! Это, конечно, кровь. И вдова это поняла сразу. Теперь мне остается только гадать, что она обо мне подумала и как скоро позвонит в милицию. Выходит, это я вчера выпачкался, и до сих пор не обратил внимания. Позор мне! Такое головотяпство!

Я вышел на улицу, пересек проезжую часть и по ступенькам спустился в сквер Руданского. Газоны были влажными, всю ночь работали поливальные системы. Я пошел по траве, подошвы кроссовок со свистом скользили по ней. У неработающего фонтана, бордюр которого служил бомжам и нарами, и столом, я остановился и еще раз осмотрел подошвы. Вроде чисто. Но дотошная экспертиза может найти мельчайшие частички засохшей крови.

– Что, вляпался? – алчно спросил меня пузатый мужик в светлой рубашке, с одутловатым нездоровым лицом. Готов был поспорить, что его заплывшие глаза излучали необыкновенное удовольствие. – Вот и я так же на прошлой неделе. И всё из-за этих бомжей. Весь сквер загадили. Надо согнать их в железный фургон, отвезти на мусорную свалку, облить бензином и сжечь. А потом залить пепелище концентрированной серной кислотой.

Мужик еще излагал мне свой план по очищению города, но я его не слушал и быстро спулся к рынку. Почему же я чувствую себя виноватым перед несчастной женщиной, потерявшей своего мужа? Почему не дают покоя ее глаза, тяжелые от немого укора? Что ж я за человек такой, готовый взвалить на себя чужие грехи и сострадать совсем незнакомым мне людям! Мне еще никогда не доводилось терять близких людей, но как я хорошо понимаю вдову, замкнувшуюся в пустой темной квартире. Именно обвалившаяся пустота мучительнее всего давит на человека своей тяжестью. И мне было невыносимо оставаться в агентстве после того, как из него ушла Ирина. Нет, не стены, не материальные блага составляют сферу обитания человека, и даже не природа со всем своим разнообразием, а именно те незримые флюиды, исходящие от людей, которые мы воспринимаем как окружающий нас мир. Они как теплое, наполняющее душу сияние – уйдет навсегда человек, и вместе с ним погаснут его флюиды, и мы вдруг перестанем узнавать привычные нам предметы, пустой и слишком просторной покажется даже тесная квартира, скучным парк, легкомысленными прохожие, тусклым солнце... И придется привыкать к этому новому миру, учиться видеть его иным, и как бы исследовать заново. Это тоскливая и утомительная работа. И, главное, бессмысленная. Ничто на земле не способно так

многогранно и сложно заполнить собою мир, как человек. Даже если это бомж, даже если бродяга, пьяница, лентяй, глупец, гуляка, хитрец или трус. «Отвезти на мусорную свалку, облить бензином и сжечь...» Кто это сказал? Перезрелая, тяжелая, упругая, оплывшая жиром липома на теле земли.

– Какой размер нужен? – спросил меня торговец обуви. – Сорок второй? Но носим сорок третий? Тогда возьми этот сорок первый, как раз будет.

Как ни странно, торговец совершенно точно определил размер моей ноги. Я примерил предложенные им кроссовки – почти такие же, как и мои, только с серыми вставками – и ноги почувствовали комфорт. Старые я положил в пакет и по пути на пункт приема платежей отправил их в мусорный бак. Еще раз мысленно «просмотрел» все свои карманы, затем одежду и закончил прической. На мне не должно быть ни одной улики, при мне не должно быть ни одного предмета, который мог бы вызвать двусмысленность. Я должен олицетворять собой простоту, однозначность и прозрачность. Этакая ледяная скульптура, внутри которой при желании можно рассмотреть застывшие пузырьки воздуха. Ибо, уже дан старт и начался мой поединок с милицией, со следователем. Мы еще не вышли на ринг, нам еще далеко до клинча, он, дай Бог, еще даже не знает о моем существовании, но борьба уже началась. Я просчитываю его возможные удары и ставлю блоки защиты.

Я зашел в офис, где принимали оплату за мобильные телефоны. На двери воззвание: «Закрывайте дверь, в зале работает кондиционер!» Судя по невыносимой духоте и жаре, в зале работал не кондиционер, а нагреватель для финской сауны. Я встал у бронированного стекла, за которым сидела оператор. Выдвинулся лоток для денег, словно загребушая ладонь попрошайки.

– Говорите номер, – сказала женщина через динамик.

Я по памяти назвал номер, который набрала на моем мобильнике девушка в красной юбке, и который, по моему недавнему заблуждению, принадлежал убитому водителю «девятки» Вергелису. Оператор защелкала по клавиатуре компьютера, глянула на экран и уточнила:

– Зинчук Олег Иванович?

– Ага, – кивнул я.

Оператору что-то не понравилась, она нахмурила выщипанные донельзя ниточные брови, еще пару раз щелкнула по клавиатуре и сказала:

– Ваш телефон временно заблокирован. Обратитесь в отдел финансового контроля.

Я сразу забыл про оператора, про финансовый контроль и вышел на улицу. Наконец-то туман немного развеялся, и проявились робкие контуры Истины. Я заполучил ФИО преступника, щедрого клиента Вергелиса, который два дня катался в его машине по городу, а на третий день вlepил бедному водителю пулю в затылок. Этот человек, Зинчук, следил за агентством, требовал от Ирины номер моего телефона, подослал ко мне пуделя, а позже звонил мне, выдвигая свои требования. В тот момент, когда я перегородил «девятке» путь, Зинчук, испугавшись, что сейчас будет разоблачен, убил водителя и незаметно выбрался из машины. По злему умыслу или случайно, но тем самым он решил две задачи: убрал свидетеля и кинул на меня тень.

Вынув из чехла мобильник, я сжал его в ладони, словно гранату, которую собирался метнуть. История с наглцом, который пытался меня запугать, не закончилась. Она продолжается, и уже оставила первые кровавые следы. Я включил телефон. Он быстро загрузился и пискнул, известив о приходе электронного письма. Латинскими буквами, но по-русски на дисплее было написано: «Ty zrja pytaeshsja sprjatat`sja ot menja. Ne delai sebe huzhe!» и второе сообщение: «Posmotri pochtu na Internetе!» Вот же подонок! Он продолжает запугивать меня! Я остановился и прикусил кончик антенны. Оба сообщения были отправлены сегодня утром. Наверняка убийца пытался позвонить мне, но мой телефон был отключен.

Что самое скверное в этой истории – негодяй Зинчук может расправиться с Ириной, как с легкостью поступил с водителем. Я немедленно позвонил ей домой и прослушал ровно десять длинных гудков. Ее нет дома или же не поднимает трубку. Вот же упрямая у меня сотрудница! Я позвонил Никулину.

– Опять с соседями пьянствуешь? – строго спросил я.

– Да брось ты! – охрипшим голосом ответил Никулин. – Все расплозлись. Боятся заразиться вирусом. Моя квартира напоминает им секретную биологическую лабораторию по созданию смертельных штаммов.

– Ты где слов таких нахватался? – усмехнулся я.

Каждое мгновение бездействия угнетало меня, как и пустой разговор с больным сотрудником, но я не хотел демонстрировать Никулину своей озабоченности. Нечего пока поднимать панику, вызывать на себя шквал упреков и незаслуженных обвинений: «Ты чудовище! Ты же угробил девчонку!»

– Просьба к тебе, – нейтральным голосом произнес я. – Позвони Ирине, попроси ее срочно связаться со мной.

– А почему ты сам ей не позвонишь?

– Она определяет мой номер и не снимает трубку.

– А я, значит, должен исполнить роль Троянского коня?

– Не самая ведь тяжелая роль, верно? И не часто я обращаюсь к тебе с просьбами.

– Никак не пойму, что между вами происходит? – проворчал Никулин, но я понял: он сделает, что я попросил.

Глава седьмая. Стерильно чисто

Я должен был убедиться, что Ирина в безопасности. Надо попытаться вразумить ее, объяснить, что к угрозам человека, застрелившего водителя, надо относиться серьезно. Она начнет фыркать, говорить с нарочитым скептицизмом, что я слишком много воображаю. Она может даже подумать, что таким странным способом я пытаюсь замять наш конфликт и вернуть нормальные отношения. Пусть думает что угодно. Мне наплевать на ее отношение ко мне, главное, чтобы не случилась беда. Но что я могу предложить ей? Бросить всё и на некоторое время уехать из города? Знаю, что она на это ответит: «Ты с ума сошел! Я только устроилась на новую работу. Идет испытательный срок. Как я могу всё бросить и уехать?» Если будет упрямиться, придется мне всё бросить, и быть при Ирине неотлучным телохранителем. И надо будет как-то исхитриться продолжать расследование.

Я прихлебывал кофе в прибрежном кафе и не замечал его ужасного вкуса. Я раздвоился на ипостаси. Первая представляла собой рослого молодого мужчину в темно-синей футболке, потертых джинсах и новых кроссовках, с дурноватым блеском в глазах, взъерошенной прической, с тугим кошельком, выпирающим из заднего кармана, и в движениях которого угадывалась нервозность, суетность и кажущаяся бессмысленность. Вторая витала в виртуальном мире, представляя собой комок нервов и безумных идей, лавировала между препятствиями и обстоятельствами, просчитывала свои и чужие ходы, рождала субстанции, похожие на мыльные пузыри с бирками: <Ирина>, <Вергелис>, <Никулин>, <вдова>, <Зинчук>, <следователь>... Они летали вокруг меня, я ловил их, менял порядок их движения, и всё равно получался хаос.

– Не отвечает Ирина, – сказал Никулин, когда я допил кофе и заказал салат из соленых огурцов с репчатым луком. Официант подумал, что ослышался и переспросил, чего мне угодно. – Не отвечает ни по домашнему телефону, ни по мобильному.

Это плохо. Очень плохо.

– Мобильный отключен или не отвечает? – уточнил я.

– Не отвечает.

Предположить, что Ирина необыкновенно хитра и упряма? Что она определила номер Никулина и догадалась, что тот звонит ей по моей просьбе? Если так, то это, наверное, даже не хитрость и упрямство. Это дурость. Удавлюсь – не покорюсь! Неужели Ирина может быть непоколебимой, монументальной в своей мести? Английский Стоунхендж, а не девушка!

Опять заиграли нервы. Чувство, которое я не переношу даже в малых дозах, которое вызывает у меня чувство тревоги – это неумолимое движение времени, и моё вольное или невольное бездействие, и тяжесть бесконечной череды дел, требующих немедленного разбирательства.

– Ваши огурцы! – сказал официант и поставил передо мной тарелку с темно-зелеными кружочками.

– Что?

– Соленые огурцы. Вы же заказывали.

– Я заказывал?!

Где-то здесь должен быть телефон. Ирина, будь она семи пядей во лбу, будь она ясновидящей, будь она шахматным гением, не сможет догадаться, что из прибрежного кафе звоню именно я. Вот на стойке аппарат. Я схватил трубку и принялся набирать номер Ирины. Официант встал рядом, не зная, что теперь делать с огурцами. Сейчас я ей скажу: «Ты дура! Надо знать, до каких пределов можно демонстрировать мне свой норов!» Но Ирина не отвечает. Гудки, гудки, гудки! Я набрал номер ее мобильного. Сердце замерло в груди. Опять гудки! Проклятый звук! Что с Ириной? Почему она молчит?

Я кинул на стойку какую-то купюру и выбежал на улицу. Попытался призвать себя к спокойствию, но ничего не получилось. Какое, к черту, спокойствие! Мне уже казалось, что не Ирине грозит опасность, а меня режут живьем, и я уже истекаю кровью, слабею с каждым мгновением, и надо как-то защищаться, но я не знаю, как это делать, и пропускаю все новые и новые удары. Быстрым шагом, чтобы не слишком привлекать к себе внимание, дошел до машины. К Ирине домой, как можно быстрее! Ее дом на улице Халтурина, рядом со сквером. С ее балкона, если чуть сдвинуть в сторону, как жалюзи, разросшийся виноград, видна полоска моря и корабли, похожие на расставленные по игровому полю фишки. В прошлом году, Восьмого Марта, мы с Никулиным приволокли к ней мангал, поставили его на балконе и стали жарить шашлыки. Пили «Киндзмареули», танцевали с Ириной по очереди. У нее был старомодный проигрыватель для виниловых пластинок. Тихий танец он еще выдерживал, но когда мы с Никулиным стали скакать, как козлы, лапка звукоснимателя тоже начала подпрыгивать. Никулин, словно приличный семьянин, ровно в шесть вечера стал собираться домой. Ирина тихо шепнула мне: «Иди с ним, пожалуйста!» Она всегда умела на чуть-чуть, на полшажка опережать мои желания. Мангал так и остался стоять на ее балконе, но подобного праздника у нее дома больше не было.

Я звонил и стучался в дверь ее квартиры. Потом стал звать ее, прикоснувшись губами к замочной скважине. Эхо металось по этажам. Открылась дверь напротив. На пороге появился худой парень в кухонном фартуке, одетом на голый торс. Руки у него крупные, угловатые, красные. Вместе с ним на лестничную площадку выплыл тяжелый запах жилья, насыщенный букет стирки, детских несвежих ползунков, подгоревшей молочной каши и еще какого-то варева – порошкового супа, что ли?

– Иришка, что ли, нужна? – спросил он, вытирая руки липкой от жира тряпкой.

Никогда не привыкну, что у Ирины есть своя личная жизнь, свои соседи, друзья, которых я никогда не видел, и возможность существования которых даже не предполагал. Мне не только странно было слышать слово «Иришка» из уст незнакомого мне человека. Мне показалось кощунственным, до наглости фамильярным, что этот пропахший вареными помоями и пеленками типчик смеет называть так девушку, которая стоит на недостижимой для него высоте. Какая она ему Иришка? Ирина Юрьевна в лучшем случае! А еще лучше – госпожа Гусарова.

– Где она может быть? – спросил я.

Соседу было приятно оттого, что сейчас его слова будут внимательно выслушаны, что они имеют большое значение для меня. Счастье для дурака – обладать информацией, которой ни у кого нет. Смакуя мгновение, он начал тянуть время, нарочито почесываться, морщить узкий лоб.

– Так, – сказал он и посмотрел на потолок. – Где может быть Иришка? Будем рассуждать логически...

Я подумал, что запросто могу убить его. Пока он загибал пальцы и мычал, строя догадки про магазин или работу, работу или магазин, я еще пару раз ударил по двери кулаком – уже в полную силу, вкладывая в удары раздражение.

– Ваши балконы рядом? – оборвал я его глубокомысленный вывод о том, что, скорее всего, Иришка на работе.

– Чьи балконы?

Он был не в состоянии так быстро менять темы, и я, оттолкнув его в сторону, зашел в дурно пахнущую квартиру. Заглянул на кухню, где на веревках сохли какие-то тряпки, а на залитой бурой жижей плите испускал зловонный пар облупленный бак; прошел в комнату, не менее омерзительную, прошелся по разбросанным по полу трусам, носкам, лифчикам, газетам, соскам и погремушкам к балконной двери и распахнул ее. Там – такой же ужас. Едва ли не по самые перила балкон был завален совершенно ни к чему не пригодному хламу, ржавому,

гнутому, сломанному, пробитому, испачканному то ли в глине, то ли еще в чем – то. Мне некуда было поставить ногу, и я с порога потянулся к перилам.

– Помочь чем-нибудь? – участливо спросил меня хозяин.

И как он еще не удавился от самоуничижительного позора? Как мужчина может позволить себе заводить детей на этой гнилой свалке? Их, ни в чем не виноватых малышей, жалко. Эта квартира станет для них нулевой отметкой, стереотипом окружающего мира, эталоном, на котором они станут надстраивать все человеческие понятия о красивом и уродливом. Я встал ногами на перила, перебрался через перемычку и оказался на балконе Ирины. Чтобы сойти на него, пришлось оторвать несколько лоз. И вот я в совершенно другом мире! Чисто. Стерильно чисто! Под ногами коврик из вьетнамской соломки. У перегородки – кресло. Рядом с ним столик из дубовой столешницы и крученными можжевельными ножками. Ирина любит красивое. У нее замечательный вкус. В мебели, еде, литературе, машинах, одежде, макияже она знает толк, знает меру, и этой изысканной избирательностью выделяется среди толпы... Вот только одна штучка портила вид балкона – местами поржавевший мангал. Тот самый, который приволокли на Восьмое Марта мы с Никулиным. Могла бы выбросить или подарить соседу. Нет, оставила, хотя прошло уже больше года. Тихая память о шумном празднике.

Через форточку я открыл запор балконной двери и зашел в комнату. Гнездышко одинокой, романтической женщины. Вещей мало, но каждая из них – красива. И ворсистый овальный ковер с греческим рисунком, и деревянные резные стулья из темно-красного дерева, и африканские маски на стенах, и керамические сосуды-портреты моче, и картины: море, скалы, сосны и чайки. Я зашел в спальню. И здесь безупречный порядок. Если бы я не знал Ирину, то можно было подумать, что хозяйка нарочно навела марафет, зная, что к ней сегодня придет мужчина с обыском. Холл, кухня, ванная – всё в идеальном сочетании, без громоздких излишеств, поистине аскетический интерьер, в котором улавливается спокойное, терпеливое ожидание счастья. Нечто подобное я видел в дорогах журналах о дизайне и искусстве оформления жилища.

Я снова пошел по квартире, на этот раз пытаюсь найти хоть какую-нибудь деталь, по которой можно было бы судить о том, каким было для Ирины утро, с каким душевным настроением она вышла из дома. Ванная. Щетинка зубной щетки влажная. Дно раковины покрыто каплями воды. Мыло еще не высохло... Теперь снова на кухню. Раскрыл холодильник. На верхней полке размораживается кусочек ровной телятины. В прозрачном пакете прохлаждается кудрявый зеленый салат. В масленке – масло и сыр. В пластиковых коробочках всего понемножку: ломтик ветчины, несколько долек апельсина, морковь по-корейски, соленые каперсы... Чем-то это похоже на тот набор, который я купил в ночном магазине. Я потрогал чайник – теплый.

Я вернулся в комнату и сел в кресло рядом с телефонным аппаратом. Придвинул к себе коробочку с листочками для записей. Листочки чистые, но на верхнем отчетливо видны вмятины от шариковой ручки. Ирина что-то торопливо писала, по своему обыкновению сильно нажимая на ручку. Возможно, взяла листочек с текстом с собой, возможно – выбросила. Но если очень постараться, то по вмятому следу можно прочесть... Я поднял коробочку с листочками и, покачивая ее на ладони, стал выбирать ракурс, чтобы тень была наиболее выражена... Так, вижу: «Гор. болн. № 1». На следующей строке: «4 отд. 12 палата». Что это может значить? Координаты больничной палаты. Кто-то передал их по телефону?

Телефонный аппарат поближе. Давай, родной, выдавай информацию! Определитель номера и память входящих звонков – гениальное изобретение. Я стал нажимать на клавиши, выясняя, от кого поступали сюда звонки. Самый последний – в десять часов тридцать минут. Номер неизвестный, но, скорее всего, это я звонил из кафе. Минутой раньше я звонил с мобильного... А вот еще один входящий – в десять часов десять минут, но определитель его не распознал, на дисплее значатся одни прочерки. Может, это звонил Зинчук? Вот же негодяй!

Похоже, мокрушник добрался до нее! Что он ей говорил? Угрожал? Или же пытался хитростью выманить из квартиры?

Я снова взглянул на листочек бумаги с вмятиной от шариковой ручки. Кажется, всё складывается. Зинчук позвонил Ирине и что-то сказал ей про Первую горбольницу. Может, солгал, что со мной стряслась какая-то беда. Ирина быстро собралась и поехала.

Я вскочил на ноги. Необыкновенно сильное волнение охватило меня. О-ё-ёй, не опоздал ли я? Не слишком ли я долго испытывал терпение Зинчука? Ирина, где ты? Что с тобой? Уже без всякой надежды услышать ее голос, я позвонил ей на мобильный. На этот раз оператор ответила, что «абонент недоступен». Это может означать, что телефон отключен, или у него разряжена батарея, или он испорчен, разбит вдребезги, расплюсчен под колесами...

Прочь, прочь дурные мысли! Я глянул на часы. Одиннадцать десять. Прошел уже час, как Ирине позвонил Зинчук. Прошел уже целый час, как Ирина перешагнула грань, за которой властвовала беда.

– Справочная? – громко говорил я, нервно расхаживая с трубкой по комнате. – Дайте мне телефон Первой горбольницы!

Четвертое отделение долго не отвечало. Ну, давай же, давай! – мысленно подгонял я то ли дежурную медсестру, которая отлучилась со своего поста, то ли врача из ординаторской. Наконец, кто-то ответил: старческий, немощный голос.

– Пожалуйста! – взмолился я. – Позовите кого-нибудь из двенадцатой палаты.

– Из какой?

– Из двенадцатой!

– Из пятой?

Господи, Господи! Вознагради его острым слухом и крепкими ногами хотя бы за счет моего здоровья!

– Из двенадцатой!! – рявкнул я с такой силой, что тонким мелодичным пением отозвались из бара хрустальные бокалы.

– Из двенадцатой! – протянул старичок. – А где ж у нас двенадцатая?.. Да нет у нас такой. У нас всего десять палат в отделении, молодой человек. Хотите, из десятой позову кого-нибудь?

Я кинул трубку в гнездо и схватился за голову. Худшие опасения сбылись. Гнус Зинчук выманил Ирину из дома. Наверняка он перехватил ее где-то на полпути к больнице... Я принялся набирать номер его мобильного. Пусть ставит мне любые условия! Пусть заставит меня жрать гвозди, битое стекло и пить бензин. Я априори согласен на всё, лишь бы он оставил Ирину в покое... Но – проклятье! «Абонент заблокирован». Исчез Зинчук. Спрятался. Зарылся в землю на недостижимую глубину!

Кто-то позвонил в дверь. Мое сердце встрепенулось с робкой надеждой, и я кинулся в прихожую. Может, это она. Из магазина. С увесистыми пакетами. Нахмурится, увидев меня, скажет, что в гости меня не ждала, и что негоже без спросу шарить по ее квартире. Я возьму из ее рук пакеты. Она скинет туфли, босиком пройдет на кухню, устало опустится на плетеный стульчик и станет выкладывать продукты на стол. Зеленый салат, ветчину, сыр, хлебную нарезку для тостера. Мы будем молчать, и слезы выступят у меня на глазах, и оттого будет казаться, что я смотрю на Ирину через запотевшие очки...

Я распахнул дверь. На пороге стоял сосед.

Глава восьмая. Не горюй!

– Вы так кричите, – заявил он, что-то жуя, – что я не слышу телевизора!

Я захлопнул дверь перед его носом, чтобы его образ не осквернял квартиру Ирины. Чуда не произошло, и слезы на моих глазах – разве что от бессилия.

– Справочная! Мне нужен домашний адрес Зинчука Олега Ивановича!

Женщина, принявшая мой заказ, пригрозила, что эта услуга платная, затем пообещала перезвонить. Я лупил кулаком по ладони, ожидая звонка. Фигурки воинов на копии урского штандарта, висящей на стене, мельтешили у меня в глазах. Мозаика из раковин, красного известняка и лазурита напоминала узкую бойницу, закрытую голубым стеклом. И я как бы метался за крепостной стеной, отчаявшись ждать появления врага, которого люто ненавидел и давно мечтал свести с ним счеты. А он дразнил меня, время от времени показывая из-за далеких холмов то наконечник пики, то катапульту, то разводя дымные костры.

Звонок! Монотонный голос продиктовал мне адрес: Зинчук Олег Иванович живет на улице Гоголя. Это в двух шагах от стадиона «Авангард». И в трех шагах от дома, где я живу!

Я вышел из квартиры Ирины через дверь. Сосед подглядывал за мной через узкую щель. Я толкнул его дверь ногой, захлопывая, чтобы не отравлял запахами лестничную площадку, по которой всего час назад ходила Ирина. Понесся вниз, перепрыгивая через ступени. Где сейчас негодяй Зинчук? Вряд ли он дома. Как гад ползучий, затаился где-нибудь в темноте, у земли. Я мчался по улицам, не обращая внимания на красные сигналы светофоров. Мимо неслись дома, деревья, скверы, площадки. Похоже, что я стоял на месте, лишь мотор надрывно рычал, а город проносился мимо меня подобно декорациям на круговой театральной сцене... Кто-то сравнивал жизнь с театром. Но почему же это действие так жестоко рвет душу, распиливает острым ножом нервы? Кто сценарист и режиссер, от сатанинского таланта которых не аплодировать надо, а закрывать глаза и уши, и бежать, бежать куда-то прочь из душного зала, разбивая в щепки кресла, срывая портьеры, кулисы и безжалостно мутузя напудренных актеров в сладко пахнущих гримёрных.

Вот и улица Гоголя. Я промахнулся и проехал жилой квартал. Не стал разворачиваться, и дал задний ход. Водители, заведя летящий им навстречу автомобиль, причем летящий задним ходом, съезжали либо на встречную полосу, либо на тротуар. Я въехал в клумбу, заглушил мотор и выскочил из машины. Воображение уже принялось подкидывать мне варианты внешности Зинчука. Ох, примитивное у меня воображение! Если злодей, то это обязательно мрачного вида мужлан с низким лбом, выпирающими надбровными дугами, алчным и жестоким взглядом, с горбатым носом, узкими губами и усыпанный золотыми коронками рот. Но сколько раз в жизни мне встречались милейшие люди с привлекательной внешностью, которые оказывались настоящими чудовищами, выпачканными с ног до головы в человеческой крови!

Я пробежался вдоль ряда двухэтажных особняков, крыши которых служили полом для новых надстроек, на которые, в свою очередь, налили новые надстройки. Металлические сварные лестницы с неожиданными поворотами и изгибами соединяли жилища верхних ярусов с землей. На головокружительной высоте, между лоджиями, были натянуты веревки, на которых трепыхалось выстиранное белье. Нумерации не было никакой. Я спрашивал адрес у старушек, сидящих на лавочке в тени деревьев. Все показывали в разные стороны. Тогда я назвал фамилию.

– С этого бы и начали, – стала учить меня маленькая, полупрозрачная женщина с водянисто-зелеными глазками и лицом, щедро усыпанным веснушками. – Нумерация домов у нас ни о чем не говорит. Каждый расширяется и пристраивается, как хочет. Лет десять назад вот этот дом был под номером семнадцать. Потом его верхнюю часть снесли, и на ней отстроился другой хозяин, у которого уже есть свой дом, но под номером тринадцать. Теперь эта верхняя

часть тоже как бы номер тринадцать. А нижняя часть уже нежилая, здесь угольный склад – вообще без всякого номера. Уразумели? Вот потому ваш номер двадцать три есть и наверху, и вот там слева, и вот там справа. Но живет Зинчук наверху, а те две пристройки он давно продал.

Я поднялся по красной от ржавчины лестнице к самой верхней надстройке. Перед тем, как постучаться в дверь, огляделся: много ли будет свидетелей того, что сейчас произойдет? Старушек вместе со скамейкой надежно прикрывала крона дерева. Окна соседних построек, облепивших склон, словно осинные гнезда, были наглухо завешаны шторами и занавесками – южная сторона, солнца здесь в избытке даже зимой. Хорошо бы теперь в общих чертах прикинуть, что я собираюсь сказать убийце. Вот же нехорошая у меня привычка: ввязываться в драку, не думая о том, как из нее затем придется выпутываться. Да что ж это я? О какой драке речь? Я иду сдаваться. У меня руки подняты, карманы вывернуты, и взгляд потухший. «Я готов принять все твои условия». Я произнесу эти слова с порога. А уже потом можно будет предупредить, что если с головы Ирины хоть волосок упадет, то я превращусь в бешеного зверя, и Зинчуку уже не жить на этом свете.

Постучал. Затаив дыхание, прислушался. Вряд ли он дома. Это безрассудно. Он спрятался, затаился... Но нет, шаги. Явно мужские шаги, широкая, твердая поступь. Распахнулась дверь. Я увидел подростка в широких шортах и майке. Слова, которые я приготовил, застряли у меня в горле. Чернявый парень с короткой стрижкой, с глазами, как маслины, без удивления и даже приветливо смотрел на меня.

– Ты Зинчук? – спросил я.

– Я.

– Э-э-э... Олег Иванович?

Парень кивнул, подцепил ногами шлепанцы, надел их и вышел ко мне, на хлипкую площадку из листового железа.

– Это мой батя. Он внизу, в гараже, ждет вас.

– Ждет?

– Ну да, он предупредил, что вы придете, и чтобы я вас проводил к нему. Идемте! – Парень стал спускаться. – Тут осторожней, пожалуйста, можно здорово навернуться. Нога попадет между прутьями арматуры, и готово. Я уже как-то раз спикировал...

Я не был уверен, что Зинчук ждал именно меня – это было уже слишком, почти что мистика, и всё же покорно пошел за мальчиком. Вот еще одно доказательство того, что образы преступников далеко не всегда вписываются в наше представление о них. У Зинчука есть сын, его знают соседи, внизу у него гараж. А знает ли это приветливый пацан, что сотворил вчера вечером его папаша?

Мы спустились вниз. Старушки замолчали и устали на нас. Теперь весь двор будет знать, что в полдень к Зинчуку приходил гражданин в джинсах и темно-синей футболке. Может, таким простым способом Зинчук на всякий случай обезопасил себя? Вдруг я иду к нему с одной конкретной целью – прибить ударом молотка по голове? Парень обошел кучу угля и приоткрыл створку гаражных ворот.

– Па! – сказал он в сумеречную утробу гаража. – Тут к тебе! – И жестом пригласил меня зайти.

Проем оказался слишком узким для моих плеч, и я сдвинул створку сильнее. Горячий солнечный луч нырнул вглубь гаража вперед меня. В нос шибанул запах бензина, смазки, резины и чего-то еще, с чем у меня стойко ассоциируется старый добрый шлягер: «Я люблю дороги, ветер и шум мотора». Посреди гаража темнела груда железа, отдаленно напоминающая автомобиль. На многочисленных полках и крючках лежали и висели инструменты, шланги, измерительные приборы, бутылки с темной маслянистой жидкостью, зубчатые ремни, старые, почерневшие от пыли фильтры, спущенные камеры, облысевшие покрышки и великое множество разнообразных колпаков для колес. Центральное место на торцевой стене занимала

большая глянцевая фотография Михаэля Шумахера в морковно-красном комбезе и бейсболке. Среди всего этого царства трудолюбивого и сильного металла я не сразу заметил рослого мужчину с темной жесткой бородкой, похожей на мочалку для чистки сковородок. Он был в комбинезоне на лямках, накинутах на голые плечи. Увидев меня, он осторожно извлек руки из плотного сплетения патрубков и шлангов, напоминающих спаривающихся удавов, и, как давнему приятелю, кинул:

– А, здорово! Проходи!

Переступив через лоток, до верху наполненный отработанным маслом, он протянул мне черный от грязи кулак, подставляя для пожатия относительно чистое запястье. Слесари на автосервисе здороваются только так.

– Видел мою коллекцию? – спросил он тотчас, не дав мне раскрыть рта, и кивнул на стену, где висели колпаки для колес. – Сорок две модели из двадцати стран мира! И что самое интересное – всё это я собрал на обочинах и мусорках нашего города. А теперь люди ко мне приходят и просят: Иваныч, продай колпак, я свой где-то потерял... Впечатляет, да?.. А как тебе вот это? – Он обошел раскуроченный автомобильный агрегат, сорвал промасленную тряпку и, с гордостью подбоченившись, кивнул на огромный зеленый мотоцикл без заднего колеса. – Ты на фирму, на фирму смотри! Настоящий «Хаммер», между прочим! Хочешь посидеть?

– Нет, не хочу, – признался я, не в силах привести в порядок мысли.

– Напрасно, – без особого сожаления ответил хозяин гаража. – Такой шанс я бы не упустил. Ну а твоя тачка где?

– Там, у клумбы, – ответил я.

– А чего не подгоняешь? Я что, у клумбы ее делать буду?

И тут я понял, что ошибся. Либо это был не Зинчук, либо Зинчук, да не тот, который мне нужен. Я сник. Бородатый заметил это и уточнил:

– Какой-то ты вареный... Или это не ты? – Он отступил на шаг и склонил голову, глядя на меня под другим ракурсом. – Это с тобой мы договаривались насчет промывки инжектора у «десятки»?

Я отрицательно покачал головой.

– Так чего молчишь? – с недоумением произнес он. – Машина у тебя какая? Что с ней?

– С машиной у меня всё в порядке, – ответил я, вынимая из чехла мобильник и выводя на дисплей номер убийцы. – Я к вам по другому поводу. Посмотрите, этот номер вам знаком?

Бородатый пригнул голову, глядя на дисплей, и обрадовано протянул:

– У-у-у! Да это ж мой номер! Точнее, бывший мой номер. Посеял я свою мобилу на пляже. Или сперли у меня ее, не знаю. Да я уже себе новую купил! А ты ее нашел, что ли?

– Нет, не нашел, – упавшим голосом ответил я. Зинчук меня уже не интересовал. Я слишком много поставил на него, и проигрыш оказался катастрофическим. Опять я никак не мог повлиять на судьбу Ирины, а время шло, и я ничего не знал о ней, и не располагал ни единой, даже самой пустячной зацепкой. Убийца по-прежнему был недостижим.

– А откуда ж у тебя этот номер? – спросил Зинчук, но, как мне показалось, без всякого интереса. Он посмотрел на полку, где стоял ряд бутылок с маслами, тормозной жидкостью, тосолом, омывателем, выдернул из строя одну из них, ополовиненную, с прозрачной бесцветной жидкостью, и поставил на столярный стол.

– Вчера вечером мне позвонили с этого телефона, – рассеянно ответил я, раздумывая, куда мне теперь мчаться, кому звонить, кому бить морду.

– Вот же подлюка где-то ходит! – покачал головой Зинчук и налил из бутылки в пластиковые стаканчики. – Украл, так еще и названивает всем подряд... Ну, давай, бери! Спасибо, что побеспокоился. А я уже себе новый телефон купил. Классная модель, в ладонь умещается. А тот заблокировал. Хрен воришка теперь моей карточкой воспользуется!

Я держал в руке пластиковый стаканчик. Мне еще ни разу не доводилось пить техническую жидкость, но я уже был морально готов сделать это. От тоски еще не то выпьешь.

– И давно украли?

– Да дня три уже прошло, – ответил Зинчук, ловко вытряхнул из залапанной пачки сигарету, поймал ее губами и прикурил от зажигалки. – Да, точно, три дня назад. Во вторник. И чего меня на пляж понесло? Я на море как-то не очень люблю ходить. Там же раздеваться надо. А я, когда был молодой да глупый, сделал себе такую татуировку на груди, что сейчас даже сам без стыда смотреть на нее не могу. Поверишь – увижу себя в зеркале и краснею. А тут думаю: дай схожу, искупнусь, приезжие за это удовольствие бешеные деньги тратят, а мне как бы на халяву достается. Телефон, дурила, в штанах оставил, и пошел в воду. И только дома заметил, что мобильник – ку-ку... Да ты пей, не горюй!

– Это что, тормозная жидкость?

– Вряд ли, – ответил Зинчук с самым серьезным видом, но при этом все же пожал плечами.

Вряд ли, так вряд ли. Я выпил залпом, даже не почувствовав вкуса жидкости, и молча вышел из гаража.

Глава девятая. Человек

Время шло. О судьбе Ирины мне по-прежнему ничего не было известно. И об убийце я не знал ровным счетом ничего. К центру я катился в полной прострации, с упертой настойчивостью названивая Ирине то домой, то на мобильный. Результат был всё тот же: она не отвечала. Моё положение чем-то напоминало сборку детской мозаики из кусочков витиевато нарезанного картона. Я уже собрал половину, уже начал прорисовываться рисунок, уже можно было отгадать многие его детали, как вдруг мне стало известно, что я собирал вовсе не ту мозаику, а отгадка тайны – в другой. И я сметаю со стола ставшие ненужными детальки и начинаю по крупницам собирать другой рисунок.

Беда только в том, что у меня не было даже этих разрозненных крупниц.

Я проехал мимо троллейбусной остановки. Наверное, на линии произошла авария, и троллейбуса давно не было. Под козырьком, который давал тень, собралась целая толпа. Кто с сумками, кто с пакетами, кто с рюкзаками. Люди замерли, как восковые фигуры, все лица были обращены в ту сторону, откуда должен был появиться троллейбус. Люди вглядывались вдаль с таким напряженным вниманием, будто там, перед изгибом дороги, происходило что-то необыкновенное, и зрелище было и завораживающим, и немного страшным. Хоть бы кто-нибудь махнул мне рукой! Останавлиюсь сразу же и отвезу бесплатно хоть к черту на кулички. От безысходности и одиночества у меня всегда обостряется тяга к добродетели. Когда плохо, то бескорыстное благое дело приносит такое же облегчение, как и утренняя рюмка водки страдающему от похмелья пьянчужке... Нет, никто не махнул, никому я не нужен. На ветровом стекле ведь не написано, что я готов сделать доброе дело бескорыстно. Значит, надо самому остановиться и предложить помощь.

Я проехал еще немного и притормозил рядом с женщиной средних лет, которая стояла на обочине и кидала вопросительные взгляды на машины. Она, будто зная о моих возвышенных намерениях, немедленно подошла к машине, поставила локти на опущенное стекло и очень мило улыбнулась.

– Хотите отдохнуть?

Да что ж я такой простофиля! Не могу отличить сутенершу от приличной женщины. Кому-кому, а ей мой альтруизм что собаке попона. Я взялся за рычаг скоростей, но женщина тотчас начала рекламировать товар.

– У меня все девочки как кошечки: и симпатичные, и ласковые, и нежные...

– И приучены к лотку, – добавил я.

– Что? – не расслышала сутенерша. – Как вы хотите?

И тут меня осенила мысль. А что если попытаться разыскать ту худенькую девушку в красной юбке, которую убийца подослал ко мне? Ведь она – единственная, кого я знаю, и кто видел преступника так же близко, как я видел сейчас продавщицу любви. Может, девушка вспомнит еще какие-нибудь детали портрета, кроме узкого лица.

Я кивнул, приглашая женщину в машину. Торопясь, чтобы я не передумал, она села рядом.

– Для такого видного мужчины я подберу самую-самую, – пообещала она, глядя на меня, как голодный на бифштекс. – Вы предпочитаете блондинок или брюнеток?

– Подождите, – остановил я ее красноречие взмахом руки. – Спокойно... Мне очень понравилась одна ваша девочка...

– Так, – кивнула женщина, уже мысленно прикидывая, сколько с меня можно будет содрать, ежели девочка «очень понравилась».

– Как зовут – не знаю. Высокая, метр семьдесят пять как минимум, – стал обрисовывать я портрет путаны. – Тоненькая, как карандаш. Волосы прямые, черные, до плеч. На ушах серьги

в виде тонких золотых колец. Была в красной юбке и маечке «боди». У нее белая сумочка с золотым замочком...

Я шпарил как по написанному. Сутенерша слушала меня очень внимательно, от старания даже наморщила лоб. Ей очень хотелось помочь мне разыскать эту девушку, и всё же она отрицательно покачала головой.

– Что-то я не припомню тонкой, как карандаш, девушки в красной юбке, – пробормотала она. – У меня девчата все как на подбор, что спереди, что сзади – весь рельеф в наличии. Сейчас мужчинам нравятся рельефные девушки, а не тонкие. Может, вы ошиблись?

Нет, я не ошибся. Я закрывал глаза и видел ее вытянутое личико как наяву.

– А когда вы с ней познакомились? – отчаянно пыталась спасти положение сутенерша.

– Вчера вечером. У гастронома.

– Ну да, – с удивлением произнесла женщина. – Это наша территория. Но такая девушка у меня не работает... А вы что ж, не хотите других посмотреть? Уверяю, они вам понравятся. Фото модели! Элита!

Я развел руками.

– Нет, спасибо. Ничего не попишешь – любовь!

Сутенерша презрительно фыркнула и потеряла ко мне интерес. Она вышла, заняла прежнюю позицию на обочине и стала провожать долгим взглядом каждую проезжающую мимо машину.

Опять облом. Облом по всем фронтам! Мне никак не удавалось выяснить личность убийцы, незаметно приблизиться к нему и навязать ему свои правила игры. Слишком рискованно было испытывать его терпение, и мне ничего не оставалось, как смириться и делать то, что он мне приказывал. Текстовые сообщения, которые он прислал мне утром, остались в памяти мобильного, и я снова прочитал их. «Ты зря пытаешься спрятаться от меня. Не делай себе хуже!» И второе: «Посмотри почту на интернете!» Коль краденый телефон Зинчука был уже заблокирован, то, по-видимому, убийца решил присылать мне инструкции по электронной почте.

Я должен посмотреть почту. Отсюда мне было ближе до дома, чем до офиса, и я повернул домой. Чувство тревоги и надвигающейся беды словно липкой паутиной связывало мою волю. Надо держать себя в руках! Надо убедить себя, что с Ириной ничего страшного не произошло. Если не вымести из души гнетущее чувство, в голове не будет места для холодных и ясных мыслей. Убийце нет резона убивать Ирину, ибо он понимает, что только она – аркан для меня. Как еще можно заставить меня плясать под чужую дудку?

Успокаивая себя такими мыслями, я поднимался вверх по улице Кирова, и уже на пересечении с улицей Маршака почувствовал, что тревога, как болезнь, отпускает, и словно отходит наркоз, и я начинаю чувствовать свое тело. Я с оптимизмом отметил, что испытываю голод, что слегка ноет локоть, ушибленный во время спасательных работ на леднике, и несколько раз машинально оглянулся на красивых женщин. Молчи, воображение, молчи! Не живописуй страсти, которых нет! Ведь я до сих пор не знаю, что хочет от меня убийца. А что можно от меня хотеть? Что я могу сделать, чего не сделает никто другой? Разгадать криминальную загадку? Пожалуйста. Только зачем клиенту надо было производить столько опасных маневров, зачем надо было проливать кровь Вергелиса? Да приди он ко мне с тремя сотнями баксов, которые потратил на Вергелиса и девчонку в красной юбке, и я немедленно взялся бы за расследование. Значит, этот неуловимый клиент хочет толкнуть меня на нечто запретное, преступное или омерзительное.

Я был недоволен собой. При первом же разговоре с незнакомцем я повел себя неправильно. Не надо было прерывать с ним разговор, не следовало грубить ему. И уж, конечно, бес дёрнул меня играть с ним в догонялки и запираť его на светофоре! Вся моя сущность

протестовала против жуткого вывода, и всё же я каялся, каялся: это я спровоцировал негодяя на убийство Вергелиса.

Я уже не катился в общем потоке, как бревно-плавун по реке, я подгонял машину, ударяя по педали акселератора, словно прищипывая коня, обходил одну машину за другой, рискованно вписывался в повороты. Мне не терпелось узнать, какое послание отправил мне убийца по «мылу». Я спустил с поводка воображение, но даже приблизительно не мог представить, что от меня потребует незнакомец.

Голод все-таки заставил меня подъехать к кулинарному магазину. Я взял копченую курицу и килограмм помидоров – мой стандартный обед в дни тяжелых физических или психологических нагрузок. Пока продавщица заворачивала курицу в фольгу и пробивала чек, я смотрел в окно. Милицейская машина сдавала назад по узкой пешеходной дорожке, и люди вынуждены были сходить на газон. Дебелая мамаша, сделав безуспешную попытку выкатить коляску с дорожки, стала почем свет ругать милиционеров. К ней присоединился пенсионер в белой кепке. Машина остановилась. Из нее вышел милиционер. Не обращая внимания на шумных граждан, он поправил головной убор, дернул плечом, на котором висел автомат, и пошел напрямик к моему дому.

– Мужчина! – крикнула мне вдогон продавщица. – А курица?

Я выскочил из магазина, обежал его вокруг и через палисадник подкрался к своему подъезду. Милиционер шел неторопливо. Остановившись на детской площадке, он полез в карман, вынул оттуда клочок бумажки, сверился с номером дома и зашагал к моему подъезду. Нет, это не совпадение. Блюститель порядка идет по мою душу. Или вдова Вергелиса пустила милицию по моим следам, или тот гаишник, который напомнил мне про фары, с опозданием поднял тревогу. Для начала меня пригласят в отделение милиции для дачи показаний: какую машину я тащил на буксире вчера вечером? где я ее подобрал? а кто был за рулем? Простейшим вопросом можно сразу припереть меня к стене. Я увязну в нагромождении необъяснимых фактов, доказывая свое алиби, и вряд ли отделаюсь подпиской о невыезде. И тогда Ирину ждет печальная участь.

Кто-то с балкона вылил на меня ведро воды – в отместку за то, что я забрался в палисадник. Наверняка, это соседка снизу. Она безнадежно одинока, не совсем здорова, и потому у нее патологическая ненависть ко мне, как, собственно, ко всякому мужчине, который не принадлежит ей. Иногда это меня забавляет. Например, своего невменяемого сына она науськала на то, чтобы тот подводил собачку к моей двери для отправления малой нужды. Я старюсь не обращать внимания на болезненные проявления обиженной Богом женщины. Но если милиционер станет обзванивать соседей, она с радостью, брызгая слюной, расскажет, что я прячусь под окнами, в палисаднике.

Пришлось уносить ноги через чужие дворы. Машиной пользоваться слишком рискованно. Это клейменный объект, в ней я как ряженный, которого увидишь за версту и в любой толпе найдешь. Теперь я должен ходить как кот: сам по себе. Должен мимикрировать, смешаться с копченой толпой курортников, перенять их повадки, манеры и пристрастия. Лишь тогда я смогу оставаться невидимым, а значит свободным... Полуденные дворы сонные, тихие, какими они бывают глубокой ночью. И всё же сколько глаз обращено на меня! Когда живешь обыкновенной жизнью, не таишься, то не замечаешь эти парные фотокамеры. А теперь кажется, будто на мне висит огромный щит, подобный рекламному, и на нем надпись крупными буквами: «МЕНЯ РАЗЫСКИВАЕТ МИЛИЦИЯ!» И все смотрят, фиксируют каждый мой шаг. Вот двое пожилых мужчин, используя ящик из-под персиков в качестве стола, играют в шахматы. Один из них приподнял черного слона за макушку, словно кильку выудил из банки, призадумался и кинул быстрый взгляд на меня. Щёлк! Кадр есть. Два тонконогих пацана в шортах кидаются сосновыми шишками, как гранатами. Война в самом разгаре, отвлекаться нельзя ни на мгновение, иначе можно схлопотать ребристым снарядам в лоб. И всё же один из

пацанов, замахнувшись, неожиданно оглядывается на меня. На долю секунды мы встречаемся взглядами. Щёлк! Второй кадр... Нет, так нельзя. Взгляды прожигают меня, и это не просто дискомфорт, это пытка. Надо немедленно сменить одежду, изменить причёску, наклеить усы и бороду.

Да что ж это я такой мнительный! Никому нет никакого дела до меня. Просто у меня излишне напряжены нервы. Расслабься, Вацура, иди спокойно, неторопливо, разверни грудь, приподними голову. Обрати внимание: молодые женщины смотрят на тебя не как на криминальную личность, которую разыскивает милиция, а как на привлекательного мужчину с завидной фигурой и мужественным лицом. Ну да, конечно, именно так. К черту ложную скромность! Я являю собой материализованную уверенность. В моем лице она обрела плоть и дух, и вот теперь она вышагивает по улицам города.

Едва я махнул рукой, как рядом тотчас остановилось такси. Сел на переднее сидение. Нет, не сел, а воссел. Машина качнулась на рессорах.

– Прямо езжай!

Адрес агентства не стал называть. Таксисты слабо запоминают внешность клиента. Зато адрес, куда его надо везти, остается у них в голове надолго. Адрес – это трансформированные деньги, коммерческий интерес. Такие вещи не забываются. Потому лучше гонять его по городу «вслепую».

– Теперь правее... За светофором налево...

Водитель уже думает не о конечно цели, где произойдет расчет, а о том, чтобы не нарушить правила, выполняя прихоти клиента. По себе знаю, как это раздражает.

– Направо... Еще раз направо...

Мы проехали мимо агентства. Окна закрыты, шторы задернуты, у подъезда не видно ни машин, ни людей. Проехали еще квартал. Я попросил остановиться и рассчитался. Водитель остался доволен, и я тоже: если вдруг его станут допрашивать, он не сможет внятно объяснить, какая улица мне была нужна. К агентству я шел не самым коротким путем, словно Сталкер из фильма Тарковского: кратчайший путь, движение напрямик смертельно опасны. Я пошел через сквер, подковой обхватывающий дом, в котором размещался мой офис. Помог женщине поднять коляску по ступеням. Ее лицо было мне знакомо. Она гуляла здесь почти каждый день, и всякий раз ей приходилось просить мужчин поднять коляску по ступеням. Малыш спал, щеки его были красными, будто распаренными – жарко. Вырастет, будет ходить по этому скверу, по ступеням, мимо постаревших мужчин, которые когда-то заносили его на руках.

Я присел у бордюра, делая вид, что перешнуровываю кроссовки. Дверь в агентство закрыта, на наличнике, словно капля крови, алеет лампочка сигнализации. Но, может, это приманка? Не ждут ли меня внутри агентства бравые парни, лениво развалившись в креслах и без интереса перебирая бумаги?

А вот и надежный информатор! У входа в агентство, вытянув пыльные лапы, развалился пес Байкал. Млеет на солнце, греет тощие ребра. Я прикормил его, и с тех пор барбос с усердием изображает службу: когда в агентстве никого нет, он его «сторожит». Стоит только зайти в офис, как пес «сдает дежурство» и уходит по своим делам. Если бы внутри сидели гости, Байкал не лежал бы сейчас у порога.

Я доверился мохнатому бродяге и направился к двери. Услышав шаги, Байкал открыл глаза, пошевелил бровями, будто настраивал резкость и, не вставая, стал шлепать хвостом по асфальту. Я открыл ключом дверь, отключил сигнализацию. Байкал лениво поднялся на лапы и тотчас принялся неистово чесать за ухом. Я позвонил на пульт и сказал пароль. Байкал глянул на меня, мол, ты ничего не забыл мне дать? – и побрел в сторону мусорных баков... Я зашел к себе, сел перед компьютером и придвинул клавиатуру. Чудак я, однако. Моя непредсказуемость и парадоксальная непоследовательность иногда меня же и пугает. Насколько я был осторожен в такси, насколько осмотрительно приближался к двери агентства, настолько сей-

час был шалопутным. Самолично доложил оператору вневедомственной охраны, что, мол, я, Кирилл Вацура, только что открыл дверь своего агентства и зашел внутрь. Приезжайте, берите меня, тепленького. Почему же я спокоен? Полагаюсь на интуицию?

Впрочем, у меня не было времени исследовать странности своей души. Компьютер загружался, урчал электронными мозгами, булькал, словно закипающий чайник. Как долго! Быстрее же, быстрее! Сейчас многое прояснится. Сейчас я получу хоть какую-то информацию! Даже самая скверная новость станет для меня, что глоток свежего воздуха для задыхающегося под водой аквалангиста. Информация, контакт, взаимодействие – вот что оживляет человека, вынуждает его жить, двигаться, к чему-то стремиться, добиваться какой-нибудь цели. Тот, кто лишен этого, напоминает парусник посреди океана, у которого вышла из строя навигационная аппаратура, нет связи, нет компаса, и даже ветра нет, и капитан, одуревший от одиночества и статичности, ждет хотя бы чего-нибудь, любого события: пусть будет шторм, пусть будет дождь, пусть пираты возьмут его на abordаж. Пусть хоть что-нибудь произойдет!

И произошло. Компьютер издал звук, похожий на тот, с каким пачка газет падает на пол. Пришло электронное письмо. В графе «От кого» значилось «ComClub4». Тема – «Привет, дружище!» Отправлено сегодня утром в десять часов три минуты. Я открыл послание. «Кирилл! Я не намерен доставлять Ирине излишние страдания. Я буду вести себя с ней обходительно, гарантируя ей комфорт, тепло и сытость, насколько это возможно в моих условиях. Я заинтересован в том, чтобы поскорее закончить все свои дела, отпустить Ирину и оставить в покое тебя. Всё, абсолютно всё зависит от тебя. Твоё упрямство, или малейшее проявление гордыни, или нерасторопность, или промедление немедленно скажутся на состоянии Ирины. Наверное, излишне напоминать тебе, что ты ни под каким-либо предлогом, ни в какой бы то ни было форме не должен обращаться в милицию – это немедленно и неотвратимо приведет к тяжелым для Ирины последствиям... А теперь перейдем к делу. Сегодня ночью ты должен быть в Минеральных Водах. Вылетай вечерним рейсом. Дальнейшие указания получишь по электронной почте. Человек».

Впервые тип, шантажировавший меня, представился. Пусть имя было вымышленным, неудачным, но все-таки это было лучше, чем пустота в конце текста. Значит, это ЧЕЛОВЕК.

Ну вот, свершилось. Я чувствовал едва ли не облегчение, будто самое страшное уже пережил. Ирина жива, и ее состояние, если верить автору письма, пока не должно вызывать серьезных опасений. Итак, сегодня ночью, двадцать четвертого мая, я должен быть в Минеральных Водах. Поближе ничего не было?

Я откинулся на спинку кресла и стал вспоминать, что меня связывало с Минеральными Водами? В прошлом году мы с Ириной отдыхали недалеко от этого города – на склонах Эльбруса. Там же я познакомился с Кротом Лобским, продюсером Игры на выживание. Неужели я имею дело с отголосками той мрачной истории?

Но для чего я должен куда-то ехать? Если Человеку нужна некая информация, которой обладаю только я, то проще было бы припереть меня к какой-нибудь близстоящей стене, допустим, к стене моего кабинета. Или к стене уборной. И все дела! А тут – Минводы!

Там я должен быть сегодня ночью. Я уже хотел было взяться за трубку телефона, чтобы узнать в справочной расписание самолетов, как на входе замурлыкал звонок. А вот и гости! Эх, интуиция, что ж ты так меня подводишь?

Глава десятая. Нравственный астенизм

На некоторое мгновение я оцепенел. Потом машинально кинул взгляд на окно – успею ли незаметно выбраться? В дверь снова позвонили. Если не открою, начнут ломиться. На экрана монитора висело письмо от Человека. Не буду выключать компьютер, пусть милиция посмотрит на творчество преступника. Пусть прочтает это ультимативное письмо... Но что же я?! О чем думаю?! О своем алиби? Но что будет с Ириной? Меня же предупредили, чтобы я не обращался в милицию!

Я немедленно запустил программу форматирования диска. Один щелчок по клавише – и все данные, записанные на компьютер, начали стираться. Металлический ящик системного блока дрожал, избавляясь от миллионов байт информации. Хорошая процедура! Жаль, что я тоже не могу ее пройти. А то бы – раззз! – и вся информационная грязь, накопленная за жизнь, потекла бы из моих мозгов черным ручьем, и стал бы мой разум чистым и прозрачным, как промытое дождями весеннее небо.

Я подошел к двери, пытаюсь убедить себя, что еще рано сдаваться. Оттянул задвижку замка. На пороге стоял молодой человек в темном костюме, галстук, идеально причесанный. В общем, почти что жених. На оперативную работу уже пацанов берут, подумал я. Двадцать два ему хоть стукнуло?

– Здравствуйте! – поздоровался молодой человек, кивая.

Я переступил через порог и заглянул за дверь, где, по моему представлению, должна была спрятаться оперативная группа. Никого. Это уже лучше. Может быть, молодой опер ограничится коротким допросом?

– Я не ошибаюсь, вы Кирилл Вацура?

– Заходите, – ответил я и вернулся в кабинет.

Компьютер уже облегчился, и на его темном экране мерцала космическая пустота. Я выключил его и сел за стол. Молодой человек мялся в дверях, не решаясь зайти в кабинет без специального на то приглашения. Зеленый еще, совестливый, робкий. Пройдет пару лет, и начнет всех подряд без разбору мордой на асфальт класть. Хватка будет как у бульдога. А пока он – ласковый щенок. Впрочем, такой щенок, из головы которого еще не выветрились аксиомы криминальной науки, может быть настолько дотошными и педантичными, что взвоешь.

– Приступайте, – поторопил я его.

– Можно сесть?

Я пожал плечами. Перебор, молодой человек, перебор! Или это такая тактика? Он сел напротив меня, не сводя с меня глаз.

– Я вас немножко другим представлял, – произнес он.

Я насторожился. Что-то на мента он не очень похож.

– А где вы раньше обо мне слышали?

– Я вас видел по телевизору. Но вы стояли на заднем плане, и создавалось впечатление, что вы ниже ростом, чем есть на самом деле.

Вот оно в чем дело! Он видел меня по телевизору. Да, могло быть такое. Как-то к нам на ледник прилетела съемочная бригада. Нахальная девчонка с микрофоном принялась командовать измученными работой спасателями и выстраивать их словно детей на школьной линейке. Потом крикнула «В кадре!» и принялась врать перед камерой, что мы прокопали штольню длиной в три километра, откуда по ночам доносятся звуки, очень похожие на стоны. Ничего подобного не было. Но мы не успели возразить, как репортерша запрыгнула в вертолет, а следом за ней и оператор. Они даже водкой и сигаретами нас не угостили.

– Да, – кивнул я. – В сравнении с глыбами льда люди кажутся маленькими, как насекомые.

Неужели этот молодой человек пришел только для того, чтобы сказать, что видел меня по телевизору?

– А что, вы действительно слышали стоны?

– Враньё, – ответил я.

– Я так и подумал. Ведь прошло уже столько времени, как сошел ледник. И вообще – такая масса! Людей, наверное, размазало, как масло по хлебу.

Это сравнение мне не очень понравилось. Я нахмурился и стал барабанить пальцами по столу. Молодой человек откашлялся, скрипнул стулом и неуверенным движением запустил руку в нагрудный карман пиджака.

– Я потом просмотрел этот же репортаж по интернету, – сказал он, теребя пальцами белый почтовый конверт, будто намеревался дать мне взятку. – Для верности, чтобы исключить ошибку. И распечатал этот кадр. Посмотрите, пожалуйста.

Он протянул мне конверт. Заинтриговал! Никак не пойму, чего он от меня хочет. В конверте оказался мутный снимок: на ледяной глыбе стою я и держу в руке погнутый автомобильный номерной знак; за моей спиной возвышается исполинская гора Крумкол с белоснежной вершиной; слева от меня – локоть кого-то из спасателей.

– Пришлось его немного увеличить и усилить контраст, – пояснил молодой человек. – Зато теперь номер можно разобрать.

Я включил настольную лампу и поднес снимок к свету. Цифры «007» на автомобильном номере можно прочесть без труда. А вот буквы сильно смазаны.

– Первая, вроде, «Д», – сказал я, склонившись над снимком.

– Правильно, – подтвердил молодой человек. – А дальше?

– Потом, кажется, «А»...

– Нет, это тоже «Д». «ДДТ».

– Название музыкальной группы получается.

– Согласитесь, что такой номер забыть невозможно, – оживился молодой человек. – «Два ноля семь» – это Джеймс Бонд. И «ДДТ» – группа Шевчука.

Я вздохнул, сунул снимок в конверт и выразительно посмотрел молодому человеку в глаза.

– Ну, и что дальше? Что вы от меня хотите?

Молодой человек слегка смутился и порозовел. Он спрятал конверт со снимком в карман и стал машинально проверять пуговицы на пиджаке – все ли застегнуты?

– Видите ли, – произнес он, мучительно подбирая слова. – На этой машине... это «десятая» модель ВАЗ, с инжектором – знаете такую?... В общем, это машина моего отца, и в тот день, когда сошел Джанлак, он проезжал по той роковой дороге.

Мне стало совестно оттого, что я проявлял нетерпение и скрытое раздражение. Парень потерял отца. Теперь он по крупницам собирает любую информацию о нем. Спасатели, которые работали на леднике, стали для него почти что родными. И он пришел ко мне, чтобы через общение со мной прикоснуться к памяти самого близкого ему человека.

– Понимаю, – произнес я. – Кофе хотите?

– Нет, спасибо. Я уже с самого утра кручусь около вашего агентства. От волнения раз пять заходил в кафе, и каждый раз заказывал кофе. Теперь сердце выпрыгивает из груди... А этот номерной знак лично вы нашли?

– Да. Мы пробурили несколько вертикальных шурфов, где электроакустики показали наличие крупных предметов, но обнаружили только сломанные стволы деревьев. А этот знак я нашел чудом: в подводном снаряжении забрался в горизонтальную штольню и ударился об него головой. Чуть стекло в маске не разбил... Напомните-ка мне вашу фамилию?

– Мураш, – ответил молодой человек, производя при этом странное движение головой, словно он горько сожалел, что у него такая фамилия. – Антон Мураш.

Полагая, что пришло время ближе познакомиться, он вскочил со стула и через стол протянул мне руку. Стол оказался слишком длинным, и мне не удалось дотянуться до руки Мураша, несмотря на то, что тоже встал. Мураш густо покраснел, сдавлено хихикнул, но с упрямой настойчивостью продолжал тянуться ко мне, и даже язык от усердия высунул. Я понял, что это бесполезно – чтобы пожать друг другу руки, нам как минимум, надо взобраться на стол с ногами. Я обошел стол, приблизился к Мурашу, и мы, наконец, по-человечески обменялись рукопожатиями.

– Что-то я не припомню этой фамилии, – сказал я.

В службу спасения обратился всего человек семь, родственники которых пропали без вести в районе схода ледника. Фамилии Мураш среди них не было точно.

– Дело в том, – стал объяснять Мураш, не смея сесть, пока я стоял, – что отец много лет назад ушел из нашей семьи, и я взял себе фамилию матери. Несмотря на это, у нас с ним сохранились очень теплые отношения. Все каникулы я проводил у него. Мы рыбачили, ходили по горам. Он у меня был поэтом и романтиком...

– Да, это замечательно, – согласился я, вежливо перебив Мураша. – А фамилия вашего отца?

– Семён Боциев.

– Семён Боциев, – повторил я, копаясь в памяти. – Но и этой фамилии среди пропавших без вести не было.

– Разумеется, и в этом нет ничего удивительного, – стал объяснять Мураш. – Последние годы отец жил в одиночестве. Новой семьей он не обзавелся, детей у него больше не было. Кто мог забить тревогу, когда он пропал? Я бы и сам никогда не узнал о его трагической гибели под ледником, если бы случайно не увидел репортаж по телевизору.

– А вы уверены, что за рулем этой машины был именно ваш отец?

– Конечно! Конечно! – с волнением произнес Мураш. – Он никому не доверял свою машину. К тому же он часто ездил по этой горной дороге. И меня по ней катал. «Смотри, Антон, – говорил он, – какие величественные ледники нависают над нами! Они похожи на небо, которое превратилось в лёд!» Знаете, у него была такая поэтическая душа! Он очень часто стихи писал. Например: «Ледники вы мои, ледники, Я теперь не познаю покоя, И считаю, считаю деньки, Глядя в небо, как лёд, голубое...» Сильно сказано, правда?

Я с умным видом кивнул, хотя в поэзии мало что понимал.

– Печально, когда погибают такие одаренные люди, – сказал я, и в этот момент был искренним. Мне жаль было этого робкого парня, который ежеминутно краснел, по поводу и без. – Но что мы теперь можем поделать? Надо смириться и пережить эту боль.

– Да, конечно, конечно, – кивнул Мураш. – Но вы знаете, как это трудно – всё время быть в напряжении, всё время сдерживаться, чтобы не расплакаться! Ведь у меня не осталось никакой памяти об отце! Даже фотографии нет. Только несколько стихотворений. «Ледники» и еще про скалы. «Скалы, скалы, вы вокруг, Кто мне враг, а кто мне друг?...» Ну, и так далее... Кстати, а этот номер, который вы нашли, он где?

– Всё, что мы нашли, передали в местный спасательный отряд.

– Да, понимаю. Для отчета... Как бы мне хотелось побывать на том месте, где покоится тело моего отца!

Кажется, я начал догадываться, в какую сторону он клонит.

– Думаю, что это пока невозможно, – сказал я, стараясь вложить в интонацию как можно больше убежденности. – Ледник тает, он всё время движется, и там не то, что проводить спасательные работы – просто находиться на нем смертельно опасно.

Лицо Мураша приобрело одухотворенное выражение. Глядя сквозь меня просветленными глазами, он дрогнувшим голосом произнес:

– Я не боюсь смерти. Она единственная, кому по силам соединить нас с отцом, – прошептал он и тотчас поднял лицо к потолку и часто заморгал. – Бедный папа! Я не могу даже положить на твою могилу букетик цветов. Какая душевная пытка! Какой нравственный астенизм!

Наверное, он тоже поэт, подумал я. Это наследственное. Но, увы, я ничем, ничем ему помочь не могу. Надо как-то выпроводить его из агентства. Я уже слишком долго торчу здесь. Печенкой чув, скоро сюда нагрянет милиция. Но как указать Мурашу на дверь, чтобы он не обиделся?

Пользуясь тем, что молодой человек всё еще смотрит в потолок и страдает от нравственного астенизма, я незаметно набрал на мобильнике номер телефона, который стоял на моем рабочем столе, иначе говоря, позвонил сам себе. Телефон зазвонил. Я поднял трубку.

– Слушаю!.. Что, прямо сейчас? Так срочно? – бесстыдно говорил я несуществующему абоненту. – Понял, шеф! Выезжаю.

Я положил трубку, встал из-за стола и с сожалением взглянул на Мураша, мол, извини, друг, но мне пора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.